

ТАМБЛЕРЫ

ALIS GRAVE NIL

АРКАДИЙ УТКИН

ЛИНДА ЙОННЕНБЕРГ

НЬЮ-ЙОРК

БАЛАХНА

Аркадий Уткин

Тамблеры. Alis Grave Nil

«Издательские решения»

Уткин А.

Тамблеры. Alis Grave Nil / А. Уткин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835590-5

Интеллектуальный триллер «Тамблеры», глава из которого была опубликована в журнале Сноб, с первых строк захватывает читателя. Психологический реализм, переплетаясь со взрывным юмором и хитросплетениями непредсказуемого сюжета, зовет за собой в странный мир неземных существ с земными проблемами и человеческими чувствами. Поддайся любопытству и открой для себя волшебную вселенную Тамблеров: они созданы из света и пришли нести свет, но столкнувшись с нашим миром и силами зла, вынуждены измениться...

ISBN 978-5-44-835590-5

© Уткин А.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ I. Lumen Aureus	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	33
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	51
Глава 12	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Тамблеры Alis Grave Nil Аркадий Уткин Линда Йонненберг

© Аркадий Уткин, 2016

© Линда Йонненберг, 2016

ISBN 978-5-4483-5590-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Alis Grave Nil

Тамблер (tumbler) с английского: тот, кто падает; голубь-вертун; игрушка-неваляшка; акробат; часть замка, соприкасаясь с ключом, приводит в движение затвор.

Нью-Йорк Балахна
2013—2016

ПРОЛОГ

Остров Зельды

Наши дни

Южнее Сицилии есть несколько вулканических островов. Самой большой из них, черная жемчужина средиземноморья – Пантелерия, место роскошное и загадочное, а самый маленький, Filiam Ventus, по-сути, просто черная, ребристая скала базальта, расчерченная красными шрамами кварца. Так называли это хмурое место рыцари норманнского королевства Сицилии, следуя арабам, называвшим его Ибна Арья – дочь ветра, возможно потому, что в этих местах ветер дует непрестанно, не давая вырасти ничему живому, но, возможно тому были и другие причины...

Западная часть острова высокая, неприступная – окружена неистовым гулом боя скал с пенистыми силами моря. Восточная – более пологая, округленная и относительно тихая. В самом низком месте, не видном с моря – небольшая ложбина, наполненная изумрудно-зеленым зеркалом морской воды, рядом – грубое угловатое строение, полностью сделанное из черных кусков лавы.

На Filiam Ventus наступали сумерки, обветренные глыбы острова ожили, отбрасывая на темную гальку гротескные зыбкие тени. Над морем, закипающим белыми бурунами, заливал все небо багряный закат. К острову, вынырнув из низких, окрашенных пурпуром облаков, приближалась, все увеличиваясь в размерах, темная точка. Миновав линию прибоя, странное существо замедлило полет, перешедший почти в парение. Сложив гигантские черные крылья, на которых поблескивали, окрашенные багрянцем заката, брызги вечно живого моря, существо бесшумно опустилось рядом с изумрудным озерцом в восточной части острова. Крылья мгновенно исчезли, словно втянувшись в широкие плечи смуглого, темноволосого, крепко сбитого мужчины в черных джинсах и черной майке, решительно зашагавшего к странному дому из кусков лавы. Дверь в доме заменяло подобие арки, и морской соленый ветер беспрепятственно ворвался внутрь вместе с поздним гостем, который быстро поднимался вверх по мрачной широкой каменной лестнице без перил. Сверху донесся радостный лай, эхом отброшенный каменными стенами, и навстречу мужчине, вниз по ступеням, понесся огромный черный ротвейлер.

– Тише, тише, Бруно, старина, – Мужчина небрежно потрепал пса, вскинувшего мощные лапы ему на грудь, – Я тоже рад тебя видеть! Ладно, давай, пойдем, ты же знаешь, времени у меня мало.

Пес, поскуливая и громко цокая когтями по каменным ступеням лестницы, послушно отправился вслед за хозяином, который, поднявшись наверх, и быстро пройдя по прорубленному в лаве коридору, вошел в небольшой сводчатый зал. В центре зала находился квадратный каменный стол. Неожиданно изящными оказались кресла, стоящие вокруг стола, выточенные из светлого мрамора, они странно диссонировали с окружающей обстановкой. Мужчина опустился в одно из кресел, лицом к стене и негромко позвал: Зельда! Ничего не произошло, только черный пес, легший у ног хозяина, шумно втянул носом влажный воздух. Мужчина на секунду прикрыл глаза. Раздражение, смешанное со странной робостью, нарастало в нем, заставляя сердце биться быстрее. Он повторил громче, властней: Зельда! Воздух у каменной стеной кладки сгустился, стена будто плавилась, пытаясь вытолкнуть наружу что-то инородное, нарушающее ее вековой покой. Пес вскинул голову, заскулил и затих, опять замерев у ног хозяина. Из грубой кладки стены стала выступать, проявляясь в камне все больше и больше, женская фигура. Ее очертания становились отчетливей, и когда марево рассеялось, перед гостем и его черным псом, спрятавшим грозную морду в передние

лапы, возникла высокая женщина с надменным лицом. Стена так и не выпустила женщину до конца. И ее длинные, слегка спутанные на концах, рыжеватые волосы, и дорогая ткань помятого и кое-где порванного пышного платья, и бледное лицо с острыми скулами-все было покрыто тончайшей каменной пленкой. При виде гостя, в серых глазах женщины мелькнул и тут же погас красноватый огонек, она улыбнулась, губы ее дрогнули, нежный голос произнес, наполняя мрачный зал:

– Здравствуй, Варлен!

Мужчина резко встал и, не глядя на Зельду, нагнулся к столу:

– У нас проблема.

– Неужели? – Зельда снова улыбнулась.

– Вот посмотри!

Варлен коснулся перстня на правой руке, тот загорелся красным огнем, и в центре зала появился светящийся красный куб, внутри которого плавало множество черных и бурых точек. Неожиданно цветовая гамма куба изменилась и дернулась, будто от судороги.

– Зельда, что это?

– Отсюда я не вижу, выпусти меня, и я рассмотрю получше!

– Мы оба знаем, что если я тебя выпущу, то мне придется тебя убить. Скажи, что ты видишь?

– Тогда хотя бы окно!

Варлен очертил пальцем с перстнем квадрат, и лицо Зельды освободилось от каменной пленки. Она вдохнула пьянящий земной воздух и указала на одну издвигающихся бурых точек в кубе:

– Проверь это.

Варлен вошел в светящийся куб и зажал между пальцами одну из точек, повернулся к Зельде:

– Это?

– Да. Камень, вероятнее всего, – Зельда хмыкнула, – он дестабилизирует *систему*, и должен быть у тебя.

Варлен дотронулся до рубинового перстня, куб тут же пропал.

– Хорошо, с этим разобрались, – подойдя к столу, Варлен выложил на него три золотистые ампулы:

– Мне нужны три унции, Зельда, и нужны сейчас!

– Три унции... Vous êtes arrivé à un mauvais endroit, alors. (тогда ты пришел в неправильное место)

Тень гнева набежала на лицо гостя, но он сдержался.

– Твой цибориум практически пуст, Варлен, осталось всего несколько капель... Это тоже дестабилизирует систему.

Варлен оперся на стол руками и опустил голову.

– Ты не веришь мне, но посмотри сам!

Варлен помедлил немного, потом обошел стол, отыскав правильное место. Он вздохнул, красный перстень на его левом мизинце засветился. Не спеша Варлен стал погружать руки в камень стола, послышался треск, тело его заискрилось, он весь затрясся. Ударилась сильная молния, на секунду озарив весь *Filiam Ventus* и каменный стол, на котором теперь лежал стеклянный сосуд, с обеих сторон закрытый узорчатыми бронзовыми полусферами: это и был цибориум. Сосуд был почти пуст, лишь несколько золотистых капель перекачивались на самом дне.

– Что теперь, Зельда?

– Теперь ты должен пойти на охоту и наполнить его!

Варлен молчал и смотрел на цибориум, на последние золотые капли.

– Я могу пойти на охоту с тобой, Варлен.

Он улыбнулся и посмотрел на Зельду:

– Как в старые добрые времена.

– *Von vieux temps?* (старые добрые времена?) – Зельда не оценила шутку.

Варлен приставил одну из ампул к бронзовой полусфере цибориума и капли послушно задвигались. Когда последняя капля перетекла из цибориума в ампулу, Варлен собрался уходить:

– Я отпущу тебя, когда он будет полным!

Вновь сверкнула молния, и когда гром докатился до *Filiam Ventus*, цибориума и Варлена уже не было на острове. Зельда повернула голову, окно, оставленное Варленом, быстро сужалось:

– Ты уже прилетел, мой смелый, *mon garçon aux yeux bleus* (мой голубоглазый мальчик), – она улыбнулась непонятно кому, – и я тебе помогу!

Зельда перевела взгляд на черного пса, который, прижавшись к полу, жалобно заскулил:

– Бруно, ты такой же трусливый, как и твой хозяин, – пес, продолжая скулить, стал задом пятиться к выходу из зала, – Все можешь, но всего боишься!

Окно в стене закрылось, фигура Зельды исчезла в каменной кладке

ЧАСТЬ I. Lumen Aureus

Глава 1

Системный сбой

Темно-синий Бентли Континентал мягко подкатил к пропускному пункту Научно-исследовательского центра «Оптиглас», новенькие корпуса которого находились в чистеньком подмосковном лесу. Два охранника в стеклянной будке упорно смотрели на дорогу, странно, но они словно не замечали дорогой автомобиль, поднявшийся сам по себе шлагбаум и человека за рулем, оставившего на окошке будки фирменный конверт DHL. Бентли остановился у одного из корпусов, из машины вышел Варлен, одетый в солидный серый костюм, и направился к входу. Днем у дверей корпуса тоже работала пропускная система, но сейчас, глубокой ночью, охранника не было, а стеклянная дверь здания была под защитой хитроумного электронного замка. Варлена не смутило это обстоятельство, он дотронулся до замка своим перстнем, и дверь бесшумно распахнулась. Ночной гость поднялся на третий этаж и найдя нужную дверь, все так же беспрепятственно открыл и ее. Варлен вошел в помещение и осмотрелся, не включая света- он отлично видел в темноте. Это была лаборатория Севастьяна Лукьянова, аспиранта МИФИ, и занималась она исследованиями в области квантовых эффектов и новейшими лазерными технологиями. Варлен улыбнулся, лаборатория явно нравилась ему. Вдоль стен стояли стеллажи с компьютерами и приборами, утыканные проводами, впрочем, провода змеились везде, особенно много их было у длинного металлического стола, на концах которого располагались две лазерные пушки, с виду похожие на дорогие кинокамеры. В самом центре узкого стола находились тиски-штатив, и именно эта деталь оборудования интересовала ночного гостя. Подойдя к столу, Варлен наклонился, глаза его сверкнули красным, выпустив яркие лучи в бриллиант, зажатый в штативе. Камень вспыхнул, заиграл, осветив лабораторию, провода и старомодную доску на стене, исчерченную рисунками, знаками и формулами. Варлен усмехнулся, мельком взглянул доску, затем подошел к штативу и вырвал из него камень. В лаборатории опять стало темно. Варлен покрутил бриллиант в руке, потом сжал его между пальцами, тот хрустнул куриной косточкой, Варлен о чем-то задумался и долго смотрел, как алмазная пыль сыпется из его руки, такая же искристая, как тот снег в Новоорхангельске...

Новоорхангельск, 1841 год.

Молодой, статный офицер в гвардейском вицмундире с белым стоячим воротничком и черными петлицами прохаживался по двору своего добротного бревенчатого дома в Новоархангельске. Было начало мая, но тут, на острове Ситка у берегов Аляски, все еще лежал снег, хотя солнце прогуливалось по небу весь день до полуночи. Тут же, во дворе, три почти одинаковых по-виду и одежде алеутов, разделявали, сидя на корточках, сегодняшнюю добычу- крупного морского котика. Кровь впиталась в снег и обледенела. Впрочем, молодой офицер ничего этого не замечал, он ждал и нервничал. В доме тявкнул щенок, офицер остановился и прислушался, видимо, ОНА все-таки пришла. Молодой человек облегченно вздохнул, поправил кивер на голове и вошел в дом с задней двери.

Внутри дома все было устроено просто и прочно: бревенчатые стены, печка, скрипучие полы. В зале вместо рояля и диванов стояли бочки, везде валялись мотки веревок, на стенах

висело несколько винтовок. Квадратные столбы-балки поддерживали тяжелое перекрытие крыши, на них повисли целые гроздья ножей без ручек. Посередине находился огромный стол, в углу, где должен был быть иконостас, на деревянном резном кресле сидела молодая женщина с высокими скулами и рыжеватыми волосами, уложенными в пышную прическу. Женщина возилась с неуклюжим щенком черного ротвейлера, лежавшим на ее коленях: он шутливо кусал ее холеные пальцы, а она щекотала и тискала его, не обращая внимания на вошедшего офицера.

Молодой человек подошел к ней, склонился, чтобы поцеловать руку:

– Сударыня!

Женщина, все еще играя со щенком, протянула узкую кисть:

– Вот, мичман, как просили, пришла проститься с вами, уезжаю.

– Позвольте спросить, когда?

– А вот прямо сейчас! – женщина указала глазами на продолговатый оружейный ящик и дорогой английский сак, осевший на столе.

Офицер выпрямился, отошел от нее и заметно побледнел.

– Vous êtes un bon chasseur. (вы хороший охотник) Благодаря вашей помощи, дела мои завершены, merci.

– Зельда, как же я? nous censés aller de pair (мы же должны ехать вместе)...

Женщина сбросила с колен щенка, встала, подошла к нему и положила руки ему на плечи:

– А, вы, мичман, будете служить Его Величеству Государю Императору на флоте и меня вспоминать. Nous reviendrons à cette conversation quand vous serez un capitaine (мы вернемся к этому разговору, когда вы будете капитаном) – Зельда улыбнулась, а потом заразительно засмеялась, – а вы как хотели?

– Je voudrais vous donner un cadeau. (у меня для вас есть подарок)

– Подарок? – Зельда посмотрела на железный лист позади кресла, на бочки, обмотанные веревками, потом на деревянный ящик на полке, – что же это, не томите!

Офицер подошел к полке и вынул небольшой деревянный ящик, поставил его на стол:

– Извольте.

Зельда приблизилась к столу, присмотрелась к ящику, медленно открыла крышку, вынула оттуда сафьяновый сверток, развернула. Внутри оказался медный обруч с небольшими отверстиями по бокам, сделанный просто и грубо.

– Варлен, зачем это? – Зельда была явно удивлена.

– Это корона.

– Корона? – Зельда снова засмеялась, – какого королевства, позвольте спросить?

– Королевства Lumen Elecricus, открытого нам Александром Вольтом и Майклом Фарадеем.

Зельда примерила корону:

– И кто же там королева?

Варлен наклонился и поцеловал ей руку:

– Вы, сударыня. Извольте, – указал ей на кресло.

Зельда послушно села в кресло, щенок, было, опять попытался забраться к ней на колени, но Варлен отпихнул его:

– Бруно, место!

Затем присоединил к отверстиям с боку короны свои странные веревки.

Зельда еще раз осмотрелась, в ее глазах сверкнули красные угольки:

– Так вы, сударь, на бочки на эти весь свой доход извели?

– В бочках этих, – Варлен указал на левую стену, – кислота, в тех щелочь, все по самому новейшему проекту!

– Меня хотели удивить, – Зельда была польщена, угольки в глазах погасли

– Сейчас сами все и увидите, сударыня – Варлен отошел к столу и достал из ящика маленькую деревянную коробочку с кругленьким набалдашником, от нее-то и тянулись веревки к бочкам.

Зельда улыбнулась ему, готовая к сюрпризу:

– *Nos solum scio quod nihil scio!* – сказал он довольно громко нажал на набалдашник.

(я знаю, что ничего не знаю. Эпиграф к книге Майкла Фарадея «*Experimental researches in electricity*» 1839 год)

Корона, на голове Зельды заискрилась, боль пронзила ее насквозь. Она вскочила, схватившись за дымящуюся голову, но железные ножи, сорвавшись с балок пригвоздили ее обратно к креслу. И все-таки, она начала преображаться, глаза её превратились в красные дыры, а за спиной распахнулись черные огромные крылья.

Варлен резко обернулся, одним движением открыл оружейный ящик. Вынув из него меч, и резко вытащив его из ножен, он подошел к бьющейся в кресле Зельде.

– Ты же хотел быть вместе! – хрипела Зельда, пытаясь сорвать обруч с головы.

Глаза Варлена наполнились красным свечением, а от рукоятки меча к острию поползла красная змейка.

– Вот мы и будем вместе, *ensemble pour toujours* (вместе навсегда) – змейка добралась, наконец, до острия клинка, и Варлен вонзил меч туда, где у Зельды должно быть сердце.

Зельду продолжало трясти, но крылья ее поникли, а глаза закрылись.

Варлен вынул клинок из ее груди, струя крови хлынула ему на мундир, он не смутился и вонзил в нее меч еще раз и еще.

С узкой кисти Зельды с легким звоном упал перстень с ярко горящим рубином. Варлен поднял перстень, он был маловат для его пальца, но он с силой запихнул его на мизинец. Шатаясь, он подошел к столу и залез обеими руками в разорванный сак, стараясь не поворачиваться к Зельде спиной. Там, как он и предполагал, лежал продолговатый стеклянный сосуд – цибориум, наполненный золотистой жидкостью. Варлен взял цибориум в руки, его начинала бить дрожь.

Поморщившись от нахлынувших на него воспоминаний, Варлен отряхнул пальцы от алмазной пыли. Затем, подойдя к доске, он нашел самую длинную формулу и поставил пальцем после нее жирную точку, которая тут же задымилась. Отойдя от стола, Варлен снова дотронулся до своего перстня, и внимательно осмотрел появившийся перед ним алый куб, в котором все так же вращались черные точки. Варлен немного выждал, *система* вела себя вполне стабильно: значит, Зельда была права насчет камня и системный сбой удалось купировать. Ночной гость окинул последним взглядом уже наполненную дымом лабораторию и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Глава 2

Ипатьево

Взрыв и пожар в третьем корпусе стали главной новостью «Оптиглас». Лаборатория Лукьянова сгорела полностью, но как это произошло – было непонятно. Камеры наблюдения не показали ничего подозрительного ни на территории, ни в самом корпусе, но, каким-то образом, одна из лазерных пушек самопроизвольно включилась, это было ясно видно на записи, но пожар из-за этого казуса случиться не мог. И, ладно бы, пожар! Главное, что бриллиант, который, как известно сгореть не может – сгорел, или бесследно исчез, хотя штатив, на котором он был укреплен, нашли. Было множество досужих разговоров и в итоге Лукьянова вызвали на ковер. Понятно, что его обвинили в халатности, в краже напрямую его никто не обвинял, но тот факт, что начальник Лукьянова упорно обходил этот вопрос, раздражало физика еще сильнее, в итоге вышла некрасивая сцена, Лукьянов хлопнул дверью и ушел. Ему тут же позвонил зам и сообщил, что грант, который использовал Лукьянов в своем проекте, не в состоянии оплатить восстановление лаборатории, ему предложили присоединиться к другой группе, или взять оплачиваемый отпуск, пока администрация «рассмотрит все варианты». Другими словами, одного из самых перспективных ученых центра вежливо попросили уйти. Было Севастьяну Лукьянову двадцать пять лет, он был вспыльчив и раздражителен, многое понимал в своем деле и не очень хорошо разбирался в людях. Впрочем, было в этом деле одно обстоятельство, которое сыграло немаловажную роль: в огромном фирменном конверте DHL, оставленном Варленом у охраны в ту ночь, содержалось крайне заманчивое предложение, исходившее от солидного университетского центра в Австрии. «Оптигласу» предлагался очень выгодный совместный проект, а в добавок – оплаченную командировку для начальника в Австрию для переговоров и, возможно, большего. Сгоревшая лаборатория Лукьянова подходила для проекта идеально.

Сначала Лукьянов решил уйти, потом решил жаловаться, потом написал разгромную статью, затем открытое письмо, в итоге уничтожил и то и другое – в общем, запутался окончательно. Но возможно, самым странным его поступком после всех этих перипетий стала поездка в Ипатьево к своему первому учителю физики, Антону Петровичу, хотя странным этот поступок назвали бы только те, кто не знал Лукьянова близко.

Севастьян Лукьянов, практически с самого рождения рос и воспитывался в детском доме, в небольшом районном центре Ипатьево, пока его не приняли в физико-математический интернат. Он отлично учился с самого начала, но именно встреча с Антоном Петровичем совершенно поменяла все его жизненные интересы, физика стала для него страстью, борьбой, чем то значительно большим, чем наука.

Последний раз Лукьянов ездил в Ипатьево после второго курса, потом жизнь так лихо закрутила его, что он почти не вспоминал о своем детстве и вот только сейчас понял, как важно для него поехать именно туда.

Лукьянов дошел от станции до Ипатьево пешком, хотя идти было чуть ли не час, был чудесный летний денек, повсюду пахло хвоей, смолой и чем то неуловимо родным. Шел он налегке и, кажется, даже забыл о всех своих проблемах на работе. Двухэтажное здание Детского дома мало изменилось за это время, к нему все так же вела желтоватая аллея, казавшаяся сегодня уже и короче. Лукьянов подошел к главному входу и позвонил, дверь открыла молодая симпатичная девушка, которая сразу показалась Севастьяну очень знакомой, но кто она, он сразу и не вспомнил. Она же как то странно на него среагировала, покраснела, замялась:

– Севастьян Сергеевич? Здравствуйте! – удивительно, но девушка знала его имя-отчество.

Лукьянов поздоровался, улыбнулся:

– Я к Антону Петровичу приехал

– А они все уехали, – девушка все никак не могла найти правильный тон, – Антон Петрович, все ребята и учителя, на десять дней, по Золотому Кольцу... Только малыши здесь, я и Наталья Ивановна... Они в среду только приедут, но можно им позвонить, я им уже сегодня звонила!

Девушку звали Вера Смирнова, она тоже была воспитанницей Ипатьевского Детдома, и вернулась сюда как воспитатель и учитель русского языка после педагогического института. Как только девушка заговорила, Лукьянов тут же вспомнил ее, ну конечно же, это она!

– Вера? Вас ведь Верой зовут? – Лукьянов был безумно рад встретить ее, Веру Смирнову, о которой он и думать забыл, и все же она была ему родным человеком, и именно за этим он сюда и приехал.

– Неужели вы меня помните? Да что же мы в дверях стоим? Проходите, проходите, я вам сейчас вашу фотографию покажу на стенде выпускников, вы же у нас знаменитость!

Через 10 минут они сидели в «кают компании», то бишь столовой и пили чай с конфетами. Вера подробно рассказала о делах в Ипатьево, об Антоне Петровиче, который уже собирается на пенсию и обо всех общих знакомых.

– Ну а ты то как сама, Вера? Видишь их еще?

– Кого? – Вера опять застеснялась и покраснела.

– Ну их, с золотыми крыльями?

Вера встала из-за стола, подошла к мойке, чтобы ополоснуть чашки, но на самом деле, девушка чуть не плакала:

– С тех пор как вы уехали в интернат – не видела...

Вера попала в Ипатьево когда ей было девять лет, Севастьяну Лукьянову, тогда просто Севе – двенадцать. Вера была странной девочкой: маленького роста, тоненькая, гладкие черные волосы и большие синие глаза, явно неместная. Она любила болтать, причем, все равно, с кем, но говорила уж очень необычно, скороговоркой, почти не задумываясь и не глядя собеседнику в глаза, что особенно раздражало ребят. Ей дали обидную кличку, дразнили, но что хуже всего – гнали прочь. Сева не был похож на «ботана», хотя это был именно тот год, когда в Ипатьево появился Антон Петрович и почти сразу же стал заниматься с Севой индивидуально, готовя его к физико-математическому интернату. Вера ходила за Севой хвостиком, он был не против, хотя и не считал ее другом. Его настоящим другом был самый взрослый в детдоме, и самый хулиганистый, Витя Куцепенко, по прозвищу Витя Куцый. Витя походил на питбуля: квадратный, мускулистый, но Севу уважал и с ним считался.

Летний вечер обнимал Подмоскovie, стайка младших крутилась около столовой – приближался ужин. Вера с Севой сидели на земле, прислонившись к дереву, она рассказывала ему о лесе, о своей знакомой кошке Мусе Чемодановой, о муравьях, а Сева не перебивал. Ну, в общем, Вера решила рассказать свое главное, любимое:

– Ты знаешь, они бывают разные, но я видела только золотистых. Они приходили ко мне ночью, когда я была совсем маленькая, и только когда мамы дома не было, ну, чтобы я с дивана не упала, у нас диван был, рыжий такой. Ну, в общем, они похожи на людей, у них есть глаза и волосы, и даже ресницы, их можно трогать, они не обижаются. Когда им нужно, они становятся большими или маленькими, и у них появляются крылья, тоже золотистые, они ими летают. А еще, у них есть звездочки, красивые такие, они ими пуляются.... Ты мне веришь?

Сеня теребил соломинку накручивая ее на палец:

– Нет, не верю, но ты рассказывай!

– Ну, вот, – почти обрадованно сказала Вера, – они помогают детям, всем детям, без разбора, и у кого родители есть, и таким как мы...

– А взрослым?

– Взрослым раньше помогали, а теперь нет, взрослые сами по себе...

На другом конце просторного двора, на бортике старой песочницы сидели Витя Куций, его адъютант Пашка Соловей, рыжеватый смышленный парень и еще двое пацанов, поменьше. Все ждали ужина.

– Смотри ребя, Смурнучка Севу грузит, – прокомментировал парочку под деревом Пашка.

Витя чуть улыбнулся, компания поняла, что можно смеяться и хохотнула презрительно.

– Надо бы ее проучить, – продолжил тему Пашка, – достала уже всех своей лабудой!

– В Котел ее! – встрял один из пацанов поменьше.

«Котлом» среди детдомовцев называлось бывшее помещение котельной в заброшенном корпусе, пол там прогнил и через жирные щели виднелась черная пасть котлована. Обветшалый корпус официально забили фанерой, но жизнь там продолжалась: пацаны устроили в «гнилушках» то ли штаб, то ли клуб, где курили, смотрели запрещенные журналы и играли в картишки. В «Котел» не любил заходить даже сам Витя, хотя он вообще ничего не боялся, не боялся даже драться с деревенскими мужиками.

– А что, это идея, – сказал Витя задумчиво.

– Давай ночью попросим Светку Косую нашу Смурнушку на улицу вызвать, и в «Котел» ее, а? – предложил расторопный Пашка.

– А если она не пойдет? – засомневался один из мелких.

– Значит так, – приказал Витя Куций, – Пашка, ты меня разбуди сегодня ночью, и тогда узнаем кто куда пойдет...

Потом был ужин, потом «стало поздно», позевали, посмотрели телевизор и отправились спать.

Сева открыл глаза и проснулся, над ним склонилась деловая физиономия Пашки Соловья:

– Да проснись ты уже!

Сева осмотрелся по сторонам, кроме Пашки, у его кровати были еще трое: сам Витя Куций, Ваня Мальцев, «малец» и Рафик старший.

Сева встал и стал натягивать штаны, Витя уже собрался и командовал:

– Косую предупредили?

– А то...

– Ну, тогда пошли!

Вся компания вылезла в окно и направилась к девичьему крылу. Пока шли, старались не шуметь, остановились у условленного окошка, оно скрипнуло, стало открываться, Светка горячо зашептала внутри:

– Вер, ну давай, лезь уже! Там они, там, с золотыми крылышками, как ты и говорила, я их только что видела!

Неумелая Вера все никак не могла вылезти наружу, пока Витя не подхватил ее и не поставил на землю. Она удивленно и испуганно смотрела на Витю и мальчишек, потом рванулась назад, но окно уже закрылось.

– Вер, там они, в заброшенном корпусе, пошли, я покажу, – голос Паши выдал жутковатую правду происходящего.

Вера сделала шаг назад и уперлась в стену:

– Не пойду я! Делайте со мной, что хотите, но я туда не пойду!

– Да че ты испугалась, дуреха? – продолжил уже открыто издевательским тоном Пашка, – там они, в «Котле» собрались, с золотыми звездочками играют!

Вера открыла рот, чтобы кричать, но Витя молниеносно закрыл ее лицо широкой ладонью:

– Ща ты у меня покричишь!

Неожиданно кто-то дернул его за плечо, Витя повернулся и увидел своего друга Севу.

– Опаньки, – Витя попытался отбросить Севу, но тот ловко увернулся и отскочил в сторону. Вера тут же спряталась за Севину спину.

– Не понял, – Витя угрожающе мотнул головой.

Сева не испугался, но сделал шаг назад. Витя выставил нож вперед и щелкнул затвором, лезвие мгновенно выскочило и блеснуло, но почему так ярко? Витя инстинктивно прикрыл глаза рукой, а когда открыл, то прямо перед собой увидел Севу, светящимся голубым и ярко-белым, за его спиной широко распахнулись крылья, полностью закрывшие Веру.

Витя повернулся налево, там, где стоял готовый к бою Пашка. С ним тоже что – то случилось, он светился ярко-золотым, и у него тоже были крылья! И у Вани Мальца и у Рафика – у всех были крылья! И все-таки, надо биться – решил Витя Куцый, но что-то мешало ему, и он осмотрел себя. Весь, с головы до пят, он сам светился голубым и белоснежным, а за его спиной было нечто столь сильное и прекрасное, что у него перехватило дыхание...

Севу переполняли радость и сила, без всяких усилий он взмыл вверх и увидел широкое темно-синее небо вокруг себя, со сверкающими вдали молниями приближающейся грозы. Он посмотрел вниз, туда, где ютились корпуса детского дома, смешные скамейки в парке и пустая теперь, песочница. Все это казалось странным и убогим отсюда, сверху. Сева взлетел еще выше и неожиданно понял, что он совершенно не Сева Лукьянов. Что практически все, что он знал о себе, навязано ему этим маленьким мирком, превратившимся в серую массу далеко под ним. Кто же я на самом деле и *что* этот мир вокруг меня? – спросил Сева. Чтобы получить ответ на этот вопрос, нужно было взлететь совсем высоко. Сева посмотрел последний раз вниз, чтобы попрощаться с теперь уже малюсеньким мирком и взмахнул крыльями. Но что это? Вокруг него появились странные белые, голубые, фиолетовые и красные огни, они мешали ему. К тому же, все небо вокруг него сильно трясло, его вертикальный полет отклонился куда – то вбок, а потом он летел уже вниз, его падение сопровождал шорох и свист. Земля приблизилась, на ней он увидел мощный красный взрыв, а вокруг взрыва – черные клубы дыма.

Вокруг все тряслось, что это?

Сева открыл глаза и проснулся, над ним склонилась деловая физиономия Пашки Соловья: Да проснись ты уже! Сева осмотрелся по сторонам, у его кровати, кроме Пашки, были еще двое: Ваня Мальцев, «малец» и Рафик старший. Витя уже собрался и командовал

– Косую предупредили?

– А то...

– Ну, тогда пошли!

– Я не пойду, – спокойно сказал Сева, – и вас не пущу.

– Чо ты сказал?! – Пашка подошел к нему вплотную, чувствуя поддержку Витька.

– Что слышал! Вера никакая не «смурнушка», а Вера Смирнова.

Витек приблизился к Севе:

– Братан, я чот не понял...

– Если ты сейчас пойдешь ее травить – ты мне не друг! – Сева говорил совершенно серьезно.

– Севыч в смурнушку влюбился! – хихикнул Пашка.

Сева подскочил к Паше и неожиданно ударил его, удивленный Пашка упал и притих. Витя схватил Севу за шиворот, началась потасовка, которая продолжалась недолго: дежурная воспитательница прибежала на шум, дерущихся разняли. Наказали обоих, и Витю, и Севу, через неделю мальчишки помирились, но настоящая дружба между ними кончилась. А через полгода Сева уехал в интернат.

– Севастьян Сергеевич, вам, наверное, идти надо, а то на электричку опоздаете... К тому же, дождь будет, – Вера официально улыбнулась.

– Вера, ты на меня обиделась?

– За что? – удивилась Вера.

– Ты знаешь, тогда, ну, тринадцать лет назад, я тебе ничего не сказал... А сейчас-скажу... Они мне снились.

– Кто? – Вера сделала вид, что не поняла.

Не известно почему, но Севастьян рассказал ей весь свой сон, который сейчас вспоминал во всех подробностях и всю эту историю.

Они разговорились, но не так, когда он приехал, а по-другому, как родные люди и говорили до глубокой ночи, остановила их только сильная летняя гроза, с громом и молниями.

Глава 3

Поэма Света

– Понимаешь Вер, секрет света, обыкновенного света, который мы видим каждый день, будь то солнечный свет, или электрический, заключается в том, что он может составлять свою собственную материю, быть материей, пусть и на короткое время...

– Но у фотонов света ведь нет массы! – спасибо Антону Павловичу: Вера неплохо усвоила основы физики.

– Слушай, а ты молодец, попала в самую точку! – Сева взволнованно взъерошил волосы, – это и есть загадка. Свет, фотоны света, двигаются в пространстве миллиарды лет, от звезды к звезде, с сумасшедшей скоростью, причем со скоростью постоянной! Это значит, что у мельчайших частиц света нет массы, по крайней мере, в макром мире, то бишь в мире нашем.

– О, знаменитая скорость света! – Вера восхищенно смотрела на Севу. Ей, простой «училке» настоящий ученый объясняет свои исследования, говорит с ней, как с равной.

– Правильно, скорость света. А теперь представь, что сноп фотонов входит в плотную среду, и вот там он начинает вести себя совершенно по-другому. Фотоны взаимодействуют с средой, в которую попали, ну, скажем, с атомами, у которых, в свою очередь, есть масса. Они передают атомам часть своей энергии, но при этом и сами видоизменяются! Возникает нечто среднее, некое новое царство света, в котором свет и его частицы ведут себя как часть материи.

– Ну, а потом? – помотала головой Вера, она уже несколько запуталась.

– Потом, – Сева улыбнулся, – лучик выходит из плотной среды и все его фотоны обретают изначальные характеристики: они летят в пространстве и ничто не может их сдержать, это все те же элементы нашего мира, для которых не существует массы и тяжести.

Дождь за окном усилился, сверкнула молния, потом бабахнул веселый летний гром. Веру воодушевляла и гроза, и Сева, и его рассказ.

– Свет входит в наш плотный мир, задерживается на мгновение и вырывается из него, все такой же чистый, сильный, и стремится к другим мирам...

– Поэма света!

– Ну, на счет поэмы не знаю, это ты у нас спец, а вообще это называется пространством Ритберга. В принципе, этот вот эффект, условно назовем его квантовый, может дать возможность человечеству закодировать всю поэзию мира всего в одном лучике света, затем зафиксировать ее в плотной среде, как в библиотеке размером всего в несколько молекул, и выдавать читателям в любом количестве за миллионные доли секунды.

– И вы этим занимаетесь?

– А разве мы опять на вы? – Сева засмеялся, как же ему хотелось сейчас обнять Веру! Почувствовав это, девушка смутилась, отвернувшись к окну.

Снова сверкнула молния, и сразу же, не дожидаясь грома, еще одна. Комната озарилась ярчайшим голубым светом, электричество на мгновение погасло. Вера ойкнула, Сева крепко, по-мужски, обнял ее, чувствуя ее тепло, вдыхая запах пушистых смоляных волос.

На улице поднялся ветер, зашумели деревья – ничего особенного, если не считать джипа Wrangler Sahara на увеличенных колесах, подъехавшего к воротам детского дома с выключенными фарами. В джипе находились четверо. За рулем сидела Лера, выглядела она очень продвинуто: мужские джинсы, черные армейские ботинки, безрукавка с дюжиной выпуклых карманов, вдобавок-покрашенные в три неоновых цвета и торчащие перьями волосы. Для девушки с азиатской внешностью, Лера была довольно высокой и изящной.

Рядом с ней – Христофор Афанасьевич – лысоватый мужчина средних лет, с абсолютно незапоминающейся внешностью, в мятом темном костюме. Сзади-две молодые женщины Лана и Линда: Лана тоже высокая, крепко сбитая, с темными прямыми волосами, в плотно облегающем спортивном костюме и фирменных дорогих кроссовках. Рядом – Линда, одетая модно и ярко, на головокружительных шпильках.

Линда тряхнула своими потрясающими белыми волосами:

– Так, значит, здесь он появится?

Шел сильный дождь. Лера подала знак подождать, опустила окно и немного высунувшись, принялась. На секунду задумавшись, она молча указала пальцем куда-то в сторону. Девушки вышли из машины, Лера тут же двинула в направлении заброшенного корпуса, а Линда и Лана прошли через небольшой парк к главному зданию детдома.

Сева и Вера, обнявшись, стояли у окна, молнии все еще озаряли ломаными линиями небо, но гроза уходила куда-то на север, раскаты грома затихали вдали. Неожиданно Вера вздрогнула, прижавшись к Севе-за стеной дождя она вдруг увидела две фигуры:

– Посмотри вон туда! – голос Веры дрогнул, оборвался, ей показалось, что она видит двух крылатых существ, золотистых, неземных... Они медленно двигались к ней, заставляя капли дождя, подающие на них, светится золотой россыпью.

Крепко прижав девушку к себе, готовый с этой минуты защищать и оберегать ее всю жизнь, Сева вгляделся в уже уходящую ночь. Он тоже увидел фигуры, но для него это были просто две женщины или девушки, одна из них смешно подпрыгивала на шпильках.

Христофор Афанасьевич вышел из машины и направился вслед за Лерой. Вместе они подошли к заброшенному корпусу детского дома, где когда —то и был знаменитый «котел». Теперь остатки здания окончательно прогнили и развалились. Христофор Афанасьевич взглянул на небо, он совершенно промок, но не замечал этого. Молния сверкнула совсем близко, потом еще раз и еще. Раздался ужасный треск, но это был не гром, а звук мощного удара, «Котел» загорелся- молния попала прямо в него. Лера отскочила, инстинктивно закрыв глаза рукой, а Христофор Афанасьевич, не спеша вошел в огонь и пропал в нем...

Увидев огонь и клубы дыма, Сева, с сожалением выпустив Веру из объятий, выскочил на улицу, девушка выбежала следом за ним:

– Это в наш «Котел» молния попала! Помнишь его?!

– А как же, – усмехнулся Сева, – нужно звонить ноль один, это пожар!

Пожарные приехали быстро, все пространство перед главным зданием детдома заполнили машины, люди, звуки сирен и пугающие всполохи мигалок. Пожар потушили, никто не пострадал, пожарным помог не прекращающийся дождь. За воротами, где все еще стоял Лерин джип, из- за дождя было совершенно ничего не видно. Но вот небо озарилось уже далекой грозой, и в этом свете на секунду мелькнули фигуры: это Христофор Афанасьевич, Линда и вся компания пытались уложить в машину человека, завернутого в уже промокшее холщовое полотно. От человека исходило ярчайшее голубое сияние, пронизывающее всех. Но вот все было сделано, джип заурчал, зажглись фары, по-деловому хлопнули закрывающиеся двери, джип тронулся, набрал скорость и растаял в предрассветной мгле.

Сева и Вера не спали до утра, помогая Наталье Ивановне управиться с царившей после пожара суматохой. Отказавшись от завтрака, Сева уехал в Москву, а вечером позвонил Вере, и они договорились встретится на выходных.

Глава 4

Первые Впечатления.

Христофор Афанасьевич занимал огромную квартиру в центре Москвы. Все там было по-простому: светлая гостиная, горшки с геранью, тиканье ходиков. После похода в Ипатьево все собрались у него. Новенького переодели в шорты и смешную детскую футболку с солнышком и аккуратно положили на диван. Его свечение иссякло под утро, но в себя он еще не приходил. Зато теперь он выглядел вполне обычно: стройный, высокий молодой человек, на вскидку лет двадцати пяти, спутанные темные выющиеся волосы, бледная кожа, длинные пальцы. Все утро вокруг него суетилась Софья Андреевна, референт и помощница Христофора Афанасьевича, испокон веков она вела его хозяйство и занимала одну из боковых комнат квартиры. Вот и теперь она смотрела на новичка и улыбалась, к ней подошла Линда:

– Софья Андреевна, я давно хотела вам сказать, но все как-то не получалось, я вам так благодарна, что вы тогда, в самом начале, мне и Лане помогли! Мы без вас бы пропали...

Софья Андреевна улыбнулась Линде:

– Девочка, когда ты и Лана к нам прибыли, зима была, Рождество. Вас Христофор Афанасьевич потом еще долго «подарками» называл. Вы такие смешные были, он к тебе еще не подошел даже, а ты уже сама вскочила – и сразу к окну. Открыла, значит, окошко, а там снег идет... Ветра не было, снежинки такие крупные, красивые, и ты давай с ними разговаривать, я говорит, Линда, я тут теперь с вами буду, вы не против?

Линда подошла к окну и открыла его:

– Да, да, я помню, я подумала, что снежинки живые...

– А потом, – продолжила Софья Андреевна, – когда ты замуж выходила...

– Действительно, забавно со снежинками, – перебила ее Линда, – А Лана как себя вела тогда, вы помните?

– А Лана очень нас всех испугалась, заплакала даже! Взрослая девица, а сидит и слезы пальцами вытирает, носом шмыгает. Христофор Афанасьевич ей говорит: что ты плачешь, не бойся, мы теперь все вместе! А она еще сильнее плачет: Я в туалет хочу!

Линда весело рассмеялась, она почему-то этого не помнила:

– Ну, а потом что?

– А потом я ее в ванную отвела, она сразу под душ и тут же успокоилась. Я, говорит, плавать умею, очень быстро, хотите покажу?

В гостиную вошел Христофор Афанасьевич, уставший за ночь, но в приподнятом настроении. Он только что побрился и утирался теперь простеньким полотенцем. В углу, на кресле чутко дремала Лера. Вчера она замаялась вести машину под дождем. Сначала пришлось ехать в «Оптиглас», где обнаружился лишь взорвавшийся и обгоревший этаж корпуса, но новенького там не было. Было странно наблюдать за лицом Христафора Афанасьевича, который никак не мог понять, как он мог ошибиться. Успокоился он только после того, как Линда нашла конверт, который имел отношение к новенькому. Потом понеслись в Ипатьево, конец не близкий, и гнали как сумасшедшие, выскакивая на встречу. Лера проснулась, едва Христофор Афанасьевич переступил порог гостиной. Из соседней комнаты едва слышно доносился приглушенный голос Ланы, она разговаривающей с кем-то по телефону, что-то печатая на ноутбуке. Христофор Афанасьевич молча проследовал в центр гостиной, взмахом руки предложив присутствующим завершить свои дела, по-видимому, должно было случиться что-то явно неординарное. Утихнув, все сгрудились вокруг него. Присев перед диваном на корточки и осторожно взяв руку новенького в свою, Христофор Афанасьевич без-

звучно зашевелил губами. Ниже горла у новенького проявляется голубой свет, и он открыл глаза. Софья Андреевна первая, за ней все остальные захлопали в ладоши.

– Ну, вот, теперь ты с нами! Меня зовут Христофор Афанасьевич – почти церемонно представился он новенькому, – а это Софья Андреевна, человек знающий, часто она просто незаменима. Это Лана, если официально-Светлана Юрьевна, педагог, специалист по физическому развитию детей и подростков, наша с тобой коллега. В ближайшем будущем она будет твоим инструктором... Ладно, об этом потом... Это Лера, наша защитница, девушка сильная во всех отношениях, ты сможешь рассчитывать на ее помощь в любых ситуациях. Ты оказался здесь не случайно, мы тебя давно ожидали... Все мы здесь находимся для служения, служения людям! Мы защищаем и оберегаем их... ну, ты быстро все поймешь и всему научишься!

Новенький серьезно внимал Христофору Афанасьевичу, но вдруг довольно громко почесал ногу ниже колена.

Линда, готовая захихикать, закрыла лицо.

– А это Линда, она поможет тебе пообвыкнуться и устроится, ты у нас тут надолго.

Хихиканье Линды тут же пропало:

– Христофор Афанасьевич, у меня ведь работа, вы же знаете!

Христофор Афанасьевич, не обращая внимания на замечание Линды, куда-то вышел и возвратился с довольно большим тяжелым ларцом из темного дерева, открыл его и достал квадратный коричневый конверт, лежащий прямо сверху. Именно его Линда нашла у корпуса Оптигласа.

– Вот, – протянул он конверт Линде, – ты нашла, тебе и открывать!

Линда, взяв конверт в руки, открыла его. Внутри лежал чистый лист дорогой белой бумаги, ни записей, ни знаков, ничего.

– Христофор Афанасич, миленький, я что, я «за»! Но вы же видите, какой он странный, даже в конверте ничего не написано! А я из всех самая глупая, я даже его и защитить- то не смогу, случись что...

– Не волнуйся, защищать его тебе не придется! А его звание в конверте появиться позже, хотя не припомню такого, что б совсем чистый лист был... Давай, приступай! – Христофор Афанасьевич споров не любил.

Линда подошла к дивану, всмотрелась в незнакомца, новенький вежливо привстал.

– Ой, смотрите, какие у него глаза голубые... прям как василечки... Ну, что Василек, пойдешь со мной?

Новенький улыбнулся и утвердительно кивнул. Обсудив напоследок, когда все вновь встретятся, Линда потянула новенького к двери, пора было уходить. Новоиспеченный «Василек» вдруг остановился, посмотрел на свои босые ноги и спросил слегка, покраснев:

– Христофор Афанасич, а можно у вас обувь какую-ни будь попросить, на время?

Христофор Афанасьевич смущенно поднял брови, Софья Андреевна тут же бросилась на помощь:

– Подходящих ботинок у нас нет, только сапоги или тапочки, смешно, конечно, но уж не обессудьте!

– Тогда тапочки...

Новенький и Линда спускались по лестнице – держались за руки, возле двери подъезда она вскинула темные ресницы:

– Можно, я Веней тебя буду называть, Веней Васильком?

Новенький забавно склонил голову в сторону, на секунду задумался, блеснул улыбкой:

– Тебе все можно!

Линда достала его конверт, вынула чистый лист бумаги и написала на нем обыкновенной ручкой: Веня Василек

Надпись тут же стала испаряться, лист снова стал чистым, а потом на нем проявилось две заглавные буквы ВВ.

– Теперь понятно, – Линда спрятала конверт в сумку, – ВВ, значит ВВ!

Вышли на улицу, шумное московское утро весело било в глаза. Веня зажмурился. Перед его взглядом пронеслись миллиарды обыденных картин: люди, машины, животные, города, скромные и затейливые пейзажи. По сути он увидел все, все, что можно увидеть на земле обыкновенным человеческим глазом, а в самом конце – падающий золотистый листок, кружащийся и неспешно легший на землю. Подойдя к своей машине, и распахнув для Вени дверь, Линда весело поинтересовалась:

– Ну, и как тебе у нас?

Веня все еще щурился:

– Хорошо, хорошо весьма.

– Ну, тогда поехали?!

Глава 5

Первое пристанище

Через полчаса Линда и Веня сидели на открытой веранде дорогого ресторана. Веня с аппетитом поглощал итальянскую пасту и салат, тут же закусывая все это фруктами. Перед Линдой одиноко стояла только чашечка кофе, она курила и быстро стучала в планшете iPod.

Веня, не отрываясь от еды, задал вопрос:

– Мое служение уже началось?

Линда ответила, не отрываясь от iPod и не поднимая на Веню глаз:

– Сначала ты должен найти свое место, свой ключ. У нас тут правила...

– Правила – это хорошо, а потом?

– Потом... пппп, потом суп с котом... Потом у тебя должен появиться Lumen Aureus.

– А это что?

– Свет такой золотистый внутри, свет служения...

– А сейчас у меня какой?

Линда, оторвавшись от iPod, посмотрела внимательно:

– Сейчас у тебя никакого.

– Хм, – замолкнув, Веня продолжил задумчиво жевать. После паузы он задал новый вопрос: – А у Ланы есть Lumen Aureus?

Линда все еще не отрывалась от планшета:

– Василек, ты с кем в ресторане сидишь, с Ланой или со мной?

Веня отодвинул остатки пасты:

– Я просто так спросил...

К столику подошел официант:

– Может быть, десерт? Суфле, терамису, киви – баблти?

Веня глянул оценивающе:

– Пожалуй. А мороженное есть?

Линда наконец-то захлопнула планшет:

– Оки, Василек, я тебе мороженное по дороге куплю, нам пора. Счет мне, а ему еду в доги бэг, хорошо?

– Без проблем. Официант, выхватив тарелки у Вени, испарился.

– А у Леры, у нее ведь тоже нет Lumen Aureus...

– А у нее и не должно быть, она же просто ведунья, разве ты этого всего не видишь?

Еще через полчаса Веня и Линда поднимались по потрепанной лестнице сталинского дома. Наконец, дошли. Линда, упершись коленом в дверь, обитую рваным кожаным заменителем, пыталась подобрать ключ. Веня, немного отстав, с любопытством осматривался. В соседней квартире тихо приоткрылась дверь, в узком проеме показалась фигура злобной бабки в рваном халате. Веня произнес учтиво:

– Здравствуйте...

Линда нервно сжала связку переставших звякать ключей:

– Вера Пална? Это я, Витина невеста, помните меня? Леной меня зовут. А это Веня, братишка Витькин, приехал вот в Москву за него хлопотать. Только вот мы дверь открыть не можем...

Чуть помедлив, дверь Веры Палны все так же бесшумно закрылась.

Линда протянула увесистую связку ключей Вене:

– Может ты попробуешь?

Выбрав первый попавшийся ключ, Веня тут же открыл дверь, чем приятно поразил Линду, она даже захлопала в ладоши:

– Вау, круто! Респект!

Молча вошли в пыльную замызганную двушку:

– Ну, вот, Веня Василек, твое первое в этом мире пристанище. Скромно, уютно и недалеко от метро, лучше не придумаешь! За такие хоромы у нас тут убивают.

Веня осмотрел мебель конца семидесятых, с любопытством заглянул в туалет:

– А кто тут на самом деле живет?

– А живет здесь моряк дальнего плавания, Виктор Леонидович Куцепенко, вооон его фотки на стене. Там, вот он с ребятами в детдоме, он детдомовский сам... На той – с друзьями по морпеху на Баренцевом море. А вооон на той, выгоревшей – на слете КСП в Карелии, а девушка в мини, которую ты так внимательно рассматриваешь – его невеста.

– Ну, а сам-то он где, Виктор Леонидович?

– Оооо, сам Виктор Леонидович, с другом своим и сослуживцем, Павлом Соловьевым находится в далекой Танзании, в городе Занзибаре, сидит он там в тюрьме. Всю их команду сняли с корабля и посадили. Наш МИД за них хлопочет, но пока без толку. А квартира пустует.

– А что-случилось?

– Да все, как всегда: кто-то кому-то денег не заплатил, флаг либерийским был, вот так и вышло....

– А ты, значит, его выручаешь, Виктора Леонидовича этого?

– Нет, Венечка, я его не выручаю...

– Как же ты про все это узнала?

Линда улыбнулась, тряхнув своим планшетом:

– Интернет, Василек, не зря ж мы в 21 веке живем!

– Ну, так давай, поедem туда и выручим его, заодно с Павлом и сослуживцами!

Линда, насмешливо фыркнув, вручила Вене телефон, замасленный снизу пакет с остатками ресторанной еды и коробку с мороженым:

– Давай, но только не сегодня, лады?

Глава 6

Деньги

Вечером следующего дня Линда работала в своей мастерской-ателье. У нее было отличное помещение, правда не в центре: просторная зала, разделенная длинным подиумом, куча подсобок, уютный кабинет. На подиуме царили несколько манекенов, один из которых украшало незаконченное подвенечное платье. На остальных красовались нежные наряды пастельных тонов, предназначенные для подруг невесты. Вокруг всей этой безмятежности находилось много всякой всячины, создавая некий вполне элегантный, деловой беспорядок: швейные машины, оверлоки, прожекторы для фотосъемок, стулья, огромный дорожный кофемейкер, корзинка с белыми пирожными только что из модной кондитерской. Вдоль стен возвышались современные шкафы с рулонами ткани и холстами. Смежная зала была полностью забита кронштейнами с женской одеждой. На самом видном месте между окон висел, небрежно припиленный портновскими булавками, портрет-эскиз углем: тонкое лицо юноши с длинными вьющимися волосами. Линда стояла напротив свадебного манекена и курила, придиричиво разглядывая практически законченную работу. Ее помощница Ксюша, чем-то похожая на саму Линду, но выше ростом и моложе, замерев, ждала Линдиных комментариев. Молоденькая швея Лиза держала наготове огромный кофр с катушками шелковых ниток всевозможных цветов.

Наконец, Линда, склонив голову набок, изрекла: – По идее, все должно быть нежно-белым, чистым, как снег...

Лиза, достав из недр кофра катушку белых ниток, тут же поднесла к наряду.

– Ксюш, ну как тебе? – повернулась к Ксюше Линда.

Ксюша наморщила нос:

– Что-то не очень...

– Ну, если чуть холоднее тон взять, то чистым, как снег, не получится...

– Будем думать, Линда Александровна.

Телефон Линды чирикнул, не отрывая взгляда от манекена, она прижала трубку к уху.

Задрав ноги, в новых джинсах и аляповатой расстегнутой рубашке, Веня лежал на диване в квартире Куцепенко. Вокруг были разбросаны свежевыпорошенные коробки. Веня нервно поглощал пломбир и болтал по телефону с Линдой.

– Линд, это я, привет!

– Привет-привет, как дела?

– Линд, я тебе так скажу, есть конечно проблемы, но в общем все просто замечательно!

Линда повернулась к Лизе, закрыв телефон ладонью:

– Попробуй к нам спиной его повернуть.

Лиза повернула манекен, Линда снова вернулась к разговору с Веней:

– И какие проблемы?

– Тут пыли очень много, меня это просто достало, чихаю вот постоянно!

Линда, подойдя совсем близко к манекену и наклонив его в свою сторону, поинтересовалась в мобилу:

– Тебя раздражает пыль, и ты чихаешь... Что еще?

Ксюша за спиной Линды, ткнув пальцем в сторону эскиза, шепнула покрасневшей Лизе:

– Любовник... Классный мальчик!

Лиза неслышно хихикнула.

Веня, заглатывая большой кусок мороженого, продолжил:

– А еще, так вчера вечером темноооо стало! Когда темно, я почти ничего не вижу, ни в комнате, ни на улице...

Линда, прищурившись, приподняла подол платья на манекене вверх, глянула на изнаночные стежки:

– Когда темно, ты ничего не видишь, понятно, дальше!

Веня встал с дивана, с трубкой у уха смотался в кухню и вынул из холодильника еще одно мороженое:

– Мне стало как-то не по-себе, что-то, типа тревоги... Вместо мыслей туман какой-то... Я на диван завалился...

– Туманные мысли на диване, продолжай! – Линда задумчиво тронула пальцем изнаночный стежок.

– А потом как будто все куда-то провалилось, я совершенно потерял над собой контроль, ничего не помню, потом открыл глаза... и уже утро. Это нормально? – Веня покатал за щекой языком орешек из мороженого.

Линда оставила платье в покое:

– Девочки, простите, но все должно быть короче сантиметров на пять...

– Линда Александровна, как короче, почему? Мы и так не успеваем, а теперь короче! – Ксюша взволновалась не на шутку.

Линда нежно сказала в трубку:

– Ты просто спал, солнце, это вполне нормально!

– Я тоже так сначала подумал, но теперь я думаю по-другому! – покончив с мороженым, Веня отмывал в ванной липкие пальцы.

– Теперь ты думаешь по-другому, что конкретно тебя тревожит? – терпение Линды начинало иссякать.

– Линд, я думаю, что ты должна сегодня ко мне приехать, и мы должны спать вместе...

– Спать вместе???

Ксюша, открыв рот, издала тихое «ооооооо», Лиза опять покраснела.

– Так, погоди, – попросила в трубку Линда, деловито дала распоряжения:

– Значит так, Ксения, записывай: подол пока окончательно не подгибаем, возьми его на живую... по поводу лифа: шире, шире, Ксюш, он так и так сядет нормально, косточки потом вставим... криолин надо менять, этот слишком велик. Нитки возьми на оттенок к молочному ближе, а не к голубому, а то они серыми казаться будут... Ну, вроде все... Делай, а я потом посмотрю повнимательнее. Все, я в кабинете, никого не принимаю!

В кабинете разговор продолжился:

– Але, ты еще тут?

Веня, отмыв руки от мороженого, принялся грызть жесткие зеленые яблоки:

– Слушай, у тебя волосы хоть и мягкие, но они все равно щекотаться будут, ты можешь с собой чепчик какой привезти, или платок?

Линду начало трясти от хохота, Веня на другом конце города был озадачен:

– Ну, и что тут смешного?

Линда продолжала хохотать.

– Линд, и еще... можешь мне киви привезти, штук десять? Они должны быть мягкими на ощупь, но без вмятин. Я такие видел у нас тут, в супермаркете, но их бесплатно не дают, а у меня деньги кончились.

Линда мгновенно прекратила смеяться:

– Какие деньги, откуда у тебя деньги?!

– Деньги в шкафу лежали под полотенцами, в целлофановом пакете.

– Веня, ты с ума сошел! – Линда перешла почти на крик – Веня, ты-чокнутый, ты слышишь?! Ты – больной на всю голову!

– Линда, что ты на меня кричишь? Что я такого сделал?

Линда продолжала паниковать:

– Что ты сделал?! Я тебе скажу, что ты сделал!!!

Ксюша и Лиза слышали скандал из зала.

Ксюша вздохнула:

– Чует мое сердце: и нам перепадет....

Линда выскочила из кабинета, и придерживая трубку подбородком, попыталась втиснуться в светлый плащ, но бросила, побежала к выходу:

– Значит так, где сидишь, там и сиди, ничего не трогай и никуда не ходи, я буду через 20 минут!

Ксюша подняла брошенный плащ, стала разглядывать.

– У Линды Александровны такие красивые вещи – восхищенно сказала Лиза

– Что ж ты хочешь, BCBG, Макс Азрия. Bon chic, bon genre!

– Bon chic, bon genre, – повторила Лиза все так же восхищенно. Это с французского?

– Это, Лиза, международное. Переводится так: Берешь приличного богатого мужика, морочишь ему полгода голову, женишь на себе, а потом тут же разводишься. А что б все было ровненько, оттяпываешь у него денег, так, что б хватило и на приличный бизнес, и с молодыми сумасбродами погулять. Bon chic, bon genre, – Ксюша аккуратно повесила плащ на вешалку, – Ладно, Лиз, давай работать, у нас тут конь еще не валялся...

Через 20 минут машина Линды медленно подъехала к дому Вени. За рулем сидела Линда, рядом с ней – Лера. Вид у обеих был настороженный, испуганный.

Линда спросила почти шепотом:

– Лер, ну что, куда мне встать?

Лера молча указала на место почти рядом с Вениным подъездом. Линда припарковалась, а Лера, открыв окно и не выходя из машины, начала по-кошачьи нюхать воздух. Они уже дважды объезжали дом и останавливались несколько раз для этого «принюхивания».

– Вроде все тихо, – Лера успокаивающе провела рукой по Линдиному плечу. Осторожно миновав лестничные пролеты, Линда и Лера крадучись вошли в квартиру. Веня вскочил с дивана, но Линда жестом руки попросила его помолчать. Тем временем Лера прошлась по всей квартире, усиленно принюхиваясь. Закончив, неопределенно развела руками. Линда облегченно вздохнула, устало села на диван:

– Уфффффф...

– А что, собственно, происходит? – Веня абсолютно ничего не понимал.

– Сколько было денег? – Линда сдула прядь волос со лба.

Веня чуть помедлил:

– Ну, не знаю, пачка в целлофановом пакете, я же тебе говорил....

– Василечек ты мой ненаглядный, ты ж нас всех погубишь! Они нас всех на рыбий жир пустят в два счета!

Лера подошла к Вене, обнюхала его лицо, шею, плечи, торс – от ее дыхания Веня ежилась, – посмотрела на Линду:

– Линд, у него ключа нет, он не при делах. Ему надо все объяснять, детально. Лучше прямо сейчас.

Линда, закрыв рот ладонью, близкая к истерике, выбежала из комнаты.

Лера придвинулась вплотную к Вене:

– Линда и Лана – Lumen Aureus, то есть они обладают возможностью служить людям. Христофор Афанасьевич – сераф, Lumen Claris, высший свет в иерархии, ты видимо тоже Lumen Claris, но мы точно сказать не можем, пока у тебя нет ключа. Я и Софья Андреевна –

ведуньи. Мы можем то, что Lumen Aureus не могут. Они могут то, что не можем мы. Ты понял?

Веня утвердительно кивнул, хотя не понял почти ничего.

– За Lumen Aureus охотятся, у них есть свойства, которые можно использовать в разных целях. Ведуны научились эти свойства присваивать. Того, кто это делает, мы называем охотниками. Здесь, в Москве, и вообще, в России, довольно много охотников, они используют любые ошибки в служении Lumen Aureus, чтобы их поймать. Они чувствуют ошибки, и находят нас по ним, как по следам. Ты понял?

Веня опять кивнул.

– Ты взял сегодня чужие деньги – это ошибка. Пока в тебе нет Lumen, как у Линды, охотники тебя не видят, но деньги нужно как можно быстрее вернуть, ты усвоил? Веня, чуть заметно засветившись голубым и белым, сказал уверенно:

– Там было 120 тысяч 650 рублей, я могу назвать номера и номинации купюр.

Вошедшая Линда, заметив свечение Вени, сказала жалобно:

– Номера не надо, просто сиди и ничего больше не делай. Я привезу деньги, часа через два, где этот пакет?

Линда действительно вернулась через два часа, гремя ключами, шурша плащом и болтая с Ланой по телефону:

– Да откуда я знаю... Говорит, что перевел больше половины в Танзанию, через интернет, типа они должны этому Куцепенко передать, остальные на мороженное потратил...

Линда засунула целлофановый пакет с деньгами в сервант и собралась уже уходить, но решила проведать Веню – не натворил ли он опять чего-нибудь. Без стука открыла дверь в спальню. Веня лежал на кровати и, видимо, дремал, от него исходило бело – голубое свечение, точно такое же, как тогда, под дождем. Линда тут же затихла:

– Лан, я тебе потом перезвоню...

Она постояла еще немного, глядя на Веню, потом хотела уйти... но как уйти? Этот бело-голубой свет был такой редкостью в земном мире, будет ли у нее еще возможность так близко видеть его? Линда вернулась, бесшумно присела у кровати так, что ее голова оказалась совсем рядом с Веней, с его нежным свечением.

Покинула квартиру Куцепенко она только под утро...

Глава 7

Служение с Линдой

На работу Линда пришла поздно, сказалась бессонная ночь, проведенная рядом с Веней. Наряды подружек невесты на манекенах были почти закончены, но подвенечное платье находилось в плачевном состоянии, возле него грудой лежали булавки, детали кринолина. Ксения и Лиза мрачно рассматривали каскады белоснежного шелка с таким видом, будто работали над этой моделью первый день. Линда мельком взглянула на платье, на плетеную мусорную корзину, в которой виднелись разорванный вчерашний портрет молодого человека и кусочки шелка, заварила себе крепчайший эспрессо, со вздохом облегчения плюхнулась на диван.

– Линда Александровна, да что с тобой происходит? Осталось три дня, сегодня камни принесут, а у нас пока все по нулям! – Ксюша была крайне недовольна.

Линда закурила:

– И не говори, подруга...

– Владимир Петрович звонил, они пришлют охранника, он будет здесь торчать, пока мы не закончим, – сообщила новости Ксюша

– Зачем охранник? – удивилась Лиза.

– Лиза, – Ксюша даже руками всплеснула, – на этом платье брюликов будет на сто тыщ зеленых, плюс здоровенный сапфир, что тут непонятного?

Линда быстро затушила недокурную длинную сигаретку в хрустальной пепельнице:

– Девочки, а давайте опять пирожных закажем, как вчера, беленьких?

Ксюша схватилась за голову, пошла заказывать пирожные.

Подойдя к мусорной корзине, Линда носком туфельки попыталась затолкать обрывки эскиза вниз, на самое дно, под белый нежный шелк, потом села на пол рядом, закурила новую сигаретку...

К подъезду мастерской подъехала машина, из нее выскочил парень с подносом, бережно накрытым сверкающей крышкой, представился по домофону, замер в ожидании. Из-за угла дома появился Веня, причесанный красиво, виноватый.

– Ты из кондитерской?

Парень шарахнулся в сторону, выругался тихо:

– Ну, да...

– Фэйс-контроль! – Веня по-деловому склонился над подносом, – Пять с орехами, пять с ванилью, дюжина кокосовых?

– Ну, да...

Веня придирчиво осмотрел поднос под крышкой:

– Свежие?

– Слушай, что пристал, а? Я ж только доставка!

Веня забрал поднос, полез в карман:

– Сейчас, подожди секунду...

– Не парься, оплачено уже все, – насмешливо бросил парень, развернулся, сел в машину, – Счастливо с девочками пирожными побаловаться! – машина, коротко рыкнув, умчалась в солнечный день.

Дверь в мастерскую Вене открыла Лиза, узнав его, страшно удивилась, крикнула в недра студии:

– Линда Александровна, тут к вам!

Линда вышла на площадку,

– Это тебе! Пирожные! Свежие, вкусные, прямо из кондитерской! – протянул поднос Веня.

– Понятно, что мне, я ж их заказала и оплатила, – Линда передала поднос Лизе, та, оглядываясь на Веню, понесла пирожные в мастерскую.

Вене не хотелось уходить:

– Ну, извини меня, ну пожалуйста... Ну, не сердись!

– Извиняю, что-то еще? Мне работать надо.

Веня через плечо Линды заглянул в мастерскую:

– Ты не думай, я на метро приехал! Денег, которые ты дала, не тратил, весь день ничего себе не покупал! В Танзанию больше не звонил, никого не выручал! Был осторожен, искал свой ключ как ты сказала!

– Нашел?

– Пока нет...

– Иди и ищи дальше! Найдешь – позвони, – развернувшись, Линда собралась вернуться в мастерскую.

Поняв, что приглашения ждать не приходится, Веня решил:

– А можно одно кокосовое, я весь день ничего не ел...

– Вень, ты сюда извиняться пришел или пирожные трескать?

– Конечно, извиняться, пирожные это так просто...

– Так просто, мда... Ну, извиняйся!

Веня с готовностью изрек:

– Я больше так не буду, честное слово, вот увидишь...

– Что не будешь?

– Вести себя эгоистично и тянуть команду вниз...

Линда в сопровождении Вени вошла в мастерскую, тихо и утвердительно сказала сама себе:

– Это выше моих сил, я скоро тюкнусь, твою мать!

Веня за ее спиной покаянно зашептал:

– Линд, я решил тебе во всем теперь помогать. Ты только скажи – я все для тебя сделаю, в лепешку разобьюсь – но сделаю!

Ксюша показала Лизе два больших пальца, светлея лицом.

Линда подвела Веню к китайскому лаковому столику, на котором возвышалась ваза с пирожными:

– Ешь, но только не все, оставь нам хоть немного и иди. Это будет самая лучшая помощь.

Веня, уже освоившись, аппетитно жевал пирожные, крутил ручки кофемейкера, подмигивал девушкам и осматривался по сторонам. Указал надкусанным пирожным на платья:

– Ксюш, а что у вас эти получились, а вот это нет?

Ксюша не знала, что ответить, сразу наступила неловкая пауза. Подойдя к мусорной корзине, чтобы выбросить кружевную бумажку от пирожного, Веня увидел кусок эскиза, вытащил, поднес к свету:

– А это кто?

Линда сказала спокойно, холодно:

– Так, девочки, обеденный перерыв. Жду вас в три. Ксюш, позвони Владимиру Петровичу, перенеси все на завтра.

– Опять на завтра? – не дождавшись ответа, Ксюша ушла в смежную комнату шептаться с Лизой.

Веня тут же плюхнулся в кресло:

– У тебя тут классно, мне очччччччч нравится!

Линда подошла к нему сзади, положила руки на плечи:

– Веня, миленький, хорошенький, я понимаю, ты тут у нас совсем недавно, тебе все интересно. Я тебе помогаю и буду помогать, как мне Христофор Афанасьевич велел, а ты... ты должен быть серьезней. Вот такие у нас с тобой отношения. Когда у тебя будет ключ, вопросов не возникнет ни ко мне, ни к кому-то другому, все само собой устроится!

Веня повернулся к ней, взял ее руки в свои, посмотрел ясно, нежно. Линда не сразу отняла у него свои пальцы.

– Линд, про ключ я знаю, но видишь, у меня не получается... Нужно как-то по-другому. Я сам не знаю, как, ну подскажи, помоги мне, ну, хоть чуть-чуть... Поверь, так ты от меня быстрее избавишься, а я тебе буду благодарен. Давай так, а?

– Да я сама ничего не знаю, поверь мне, ничегошеньки! Объяснения, вообще, не играют никакой роли, ты сам все должен сделать. У нас тут так!

Венин васильковый взгляд стал совершенно серьезным, даже мрачным:

– Ты знаешь, я вот что подумал... У тебя ведь служение, Lumen Aureus. Ты можешь мне его показать? Может, это меня подтолкнет?

Линда отошла от него, в задумчивости потерла переносицу:

– Ладно, но никакой самостоятельности, это мое служение, сможешь не вмешиваться?

Веня встал, облегченно вздохнул:

– А как у тебя это все происходит?

Линда задернула розоватый шифон занавесок, закрыла дверь на ключ, повернулась к Вене, ресницы ее дрогнули:

– Смотри.

Чуть ниже горла Линды запульсировал, растекаясь по всему ее телу, золотистый свет.

– На самом деле мне не нужно «светиться», служение идет всегда, я его даже и не чувствую, но знаю, что мое служение происходит одновременно во многих местах и со многими людьми. За всем этим следит сераф и направляет мой lumen в нужные точки, это его служение.

Золотистый свет вышел за границы тела Линды и окутал Веню.

– А ты можешь выбрать где «служить» когда вызываешь свой lumen?

– Нет, это происходит само собой, ты сейчас сам увидишь...

Яркая вспышка перенесла Линду и Веню в ночной город. Они стояли на бедной, довольно узкой улице, вдоль стен домов жались вонючие мусорные баки. Окна в домах были плотно закрыты или зашторены. Вокруг царил тишина.

Линда привычно осмотрелась, Веня, глядя на нее, сделал то же самое.

– Ну, и как ты узнаешь, что нужно делать?

Линда кивнула на один из мусорных баков, они подошли ближе и открыли крышку. Поверх груды отходов лежал черный пластиковый пакет, внутри него что-то шевелилось. Линда нежно улыбнулась, заправила белокурую прядь за ухо:

– Вот ты где, мой котенок, иди сюда! – она осторожно вынула из пакета новорожденного мальчика с плотно закрытыми глазами и слипшимися на лбу колечками тонких волос. Линда прижала малыша к себе:

– Вень, достань вон в том баке газет.

Веня был несколько ошарашен, но подчинился беспрекословно.

– Газеты – это самое теплое, никогда не замерзнешь, – закутав младенца в газеты, Линда положила его обратно в черный пакет, заботливо оставив сморщенное личико снаружи, внимательно глянула по сторонам:

– Ага, вот сюда, – подойдя к другому баку, Линда, открыв крышку, бережно положила ребенка внутрь.

Веня поинтересовался несколько раздраженно и разочарованно:

– И это все?

– Практически да, – уверенно и с облегчением ответила Линда.

– Ты с ума сошла!

Неожиданно Веня начал засветился ярко-белым, голубым по краям светом, яростным и чистым. Он рванул к баку, чтобы вынуть малыша, но тут же отлетел к стенке от золотистого удара Линды.

– Это ты сумасшедший, Василек, ты ж сожжешь его в пепел! Договорились же без самодеятельности!

– Да? Прости, я не знал...

– Даже если не сожжешь, то он твой свет будет повсюду искать, всю жизнь. А это муки-то какие... Где ж такой свет в жизни достать?

– А твой?

– А мой всегда будет с ним рядом.

– Ага, вот, значит, как... Класс! А что дальше?

– Смотри, – Линда указала на темное окно первого этажа, совсем рядом с баком.

Они увидели небольшую комнату, почти полностью занятую кроватью, в комнате стояла темнота, от спертых воздуха тяжело дышалось.

Линда шепнула Вене в ухо:

– Это Салим, серьезный чувак, дворником работает, мечтает о наследнике, сыне, а рядом его жена, Баха – у нее скоро родится дочка, Аиша. В другой комнате спит Лейла, её сестра, ей три года, симпатичная такая.

– Понятно, что симпатичная, но дальше что делаем? – Веня жаждал развития событий.

– Дальше – перекур!

Линда взяла Веню за руку и ловко запрыгнула на мусорный бак, значительно уменьшившись.

Веня осмотрел гигантский бак:

– А почему мы такие маленькие стали?

Линда хихикнула:

– Так прикольной!

Неспешно вынув пачку сигарет, она угостила Веню, чиркнула спичкой, которая волшебным образом отбросила золотые искорки. Они закурили, а спичка, описав замысловатую дугу, перелетела через улицу, затем зависнув на секунду, прыгнула в бак под окном Салима.

Веня выдохнул почти восхищенно:

– Ты такие вещи можешь, улет!

– Когда мы в служении, мы можем практически все!

– А когда нет?

– Когда нет, мы – как обыкновенные люди, только со странностями, – толкнув Веню в бок, Линда подмигнула, – Правду я говорю?

– Правду- правду! Ну, а дальше как?

– Что ты торопишься, кайфово же, не гони!

Из бака понемногу вырывалась на свободу тонкая струйка дыма, запахло паленым.

Веня спросил нетерпеливо:

– А люди нас видят?

– Что мы им покажем, то они и увидят, а может, даже и услышат!

Линда вдруг хитро прищурилась:

– Ты что, не доверяешь мне как специалисту?

– Ну, нет, почему не доверяю? Доверяю...

– Точно доверяешь? – она ущипнула Веню за бок

– Ты чего щиплешься?!

– Ты мне не доверяешь, вот и щиплюсь! – Линда снова ущипнула Венин бок.

Неожиданно для себя Веня начал издавать странный звук, мерзкий и очень громкий, такой звук могли издавать только коты, и то при очень определенных обстоятельствах. Звук был неприличный, откровенный, почти гадкий.

– Линд, ты чего делаешь такое? Мьяяяяяяуууу, я так не хочу!!!

Линда упоительно хохотала:

– А как ты хочешь, так? – она в третий раз ущипнула Веню.

– Мьяяяя, Мьяяяяяуууу!! – залился еще громче и неприличней Веня, – МЯЯЯЯЯЯУ, ах вот ты как! – он тоже довольно сильно ущипнул Линду.

Линда, подпрыгнув от удовольствия, отозвалась с хрипотцой:

– Мьяяяяууу, мьяяяяуу!!!!

В комнате Салима что-то треснуло и закрипело.

Веня наконец врубился – Мьяяяяуу!!!!!!

Дверь со скрипом распахнулась от их торжествующих воплей, и на улицу выскочил всклокоченный грузный человек с палкой:

– Да, штоб вас, иншала, штоб вы провалились!!

– Мьяяяяяуууу, Мьяяяяяуу!!!!!!!

Дыма становилось все больше, следом за Салимом, который не знал, что конкретно он должен предпринять в такой странной ситуации, на улицу выбежала полная, молодая Баха, в тяжелом длинном халате, заштопанном на локтях.

Салим упорно искал глазами источник ночного шума, наконец, нашел: – Да, что б вас! – и бросил палку прямо в Линду и Веню. От удара они опрокинулись в бак и перестали мяукать, валяясь на мягком мусоре лицом к лицу.

– А теперь – последняя точка, – Линда забавно цокнула языком.

Тут же из соседнего бака раздался громкий и отчетливый плач ребенка

– Класссссс, какой классссс, теперь у Салима будет наследник, ну просто супер!!! – Веня был в полном восторге – Теперь все?

Линда ухмыльнулась:

– Нет, не все!

Глава 8

Гименей

Теперь Веня и Линда оказались где-то в особняке на Рублевке, в громадной гостиной, посередине которой журчал позолоченный фонтан. Они стояли на четвереньках под новеньким концертным роялем Steinway, модель D. Более дорогих и больших по размеру роялей, ну, просто не бывает.

– А почему мы под роялем сидим? – неуверенно и шепотом спросил Веня

– Не всегда все гладко получается, привыкай! – зашипела на него Линда, и они осторожно вылезли наружу чтобы осмотреться.

Бескрайняя гостиная была уставлена золочеными вычурными диванами и креслами. Повсюду свисали хрустальные люстры, на стенах в массивных и тоже золоченых рамах висели пасторальные пейзажи и сцены из античной жизни, кажется оригиналы.

В гостиной было двое: мальчик и старик. Мальчик, лет тринадцати-четырнадцати, в модной рубашке и рваных джинсах, сидел за роялем и вяло наигрывал кусочек из оперы Рубинштейна «Нерон». Вислоусый старик, крепкий и поджарый, восседал на самом большом и самом золоченом диване, царственно опершись на самодельную деревенскую палку, совершенно не подходящую к окружающему антуражу.

– Жорик, ты неправильно делаешь, нехорошо!

Мальчик прекратил играть и ответил довольно раздраженно:

– Что я неправильно делаю, дедушка?

Старик поправил усы и ответил очень рассудительно:

– Ты начинаешь играть музыкальную мысль и не заканчиваешь музыкальную мысль, это неправильно.

– Я репетирую, дедушка, – Жорик сыграл еще два такта и замер

– Это не репетиция, Жорик, это неуважение, – продолжил старик все так же рассудительно. Артист выразил музыкальную мысль, чтобы она прозвучала полностью, от начала и до конца, – старик поднял указательный палец к потолку, – не нарушая мировую гармонию! ## ##### (с грузинского: Если ты хочешь быть артистом, то ты должен уважать другого артиста)

Веня утвердительно кивнул под роялем и вылез немного дальше, тема его заинтересовала.

– Ты же футбол хотел смотреть, дедушка, – Жорик был не согласен и даже подскочил от раздражения, – вот иди и смотри футбол!

– Сейчас там перерыв и реклама, – ответил дедушка примирительно, поправил усы и уселся на диване поудобней, – я второй период буду смотреть, самое интересное во втором периоде. ##### ## (с груз: я тут посижу)

Жорик не ответил и начал играть все тот же отрывок из «Нерона». Веня вылез довольно далеко и стал смотреть на фотографии, висевшие на стене перед роялем. Линда совершенно не участвовала во всем этом и, используя паузу, занялась своими ногтями, вооружившись не понятно откуда взявшейся малюсенькой пилочкой.

Все фотографии были двух-трехлетней давности и на всех них был запечатлен сам Жорик со знаменитыми музыкантами и оперными певцами, как на сцене, так и в личной, дружеской обстановке. Тут были снимки и с Плачидо Доминго, и с Кареросом и многими другими.

Жорик резко перестал играть, прямо в середине такта. Старик нахмурился, оперся на палку и встал, понятно было, что Жорик делает это ему на зло.

– Неуважение к мировой гармонии еще никому пользу не принесло! – сказал старик, обращаясь непонятно к кому, и направился в соседнюю залу, осторожно обходя фонтан и статуи.

Оставшись один, Жорик тяжело вздохнул и заговорил сам с собой:

– Боже мой, боже мой, второй год не у дел. Даже журналисты перестали звонить, ##### (шакалы), – Жорик стал играть свои четыре такта из Нерона.

– У него голос ломается, – сообщила Линда, не отрываясь от ногтей.

– Откуда ты знаешь? – удивился Веня.

– В газете читала, – Линда убрала пилочку – Значит так, Веня, я веду, ты ассистируешь, понятно?

– Понятно, – хмыкнул Веня.

Жорик перестал играть и еще раз вздохнул:

– Они теперь меня даже и в консерваторию не возьмут, – совсем уж грустно заявил Жорик, потом неожиданно вскочил, – ну уж нет, возьмут, им папа денег заплатит и возьмут. Возьмут!! – Жорик ударил кулаком по клавиатуре концертного Стенвея и тот взвыл.

– Вперед! – приказала Линда и вылезла из-под рояля.

Жорик сидел, упершись лбом в клавиатуру и закрыв голову руками, видимо плакал.

Линда учтиво кашлянула в кулачок:

– Здравствуйте, Георгий!

Жорик, вскочив на ноги, молниеносно утер нос рукавом:

– А вы кто, новые фониаторы? Вас мой папа прислал?

Линда очаровательно улыбнулась и даже протянула руку для рукопожатия.

Жорику сразу понравилась симпатичная Линда, он с энтузиазмом потряс ее руку.

– Что-то в этом роде. Меня зовут Линда, а это Веня, мой ассистент, – Веня учтиво поклонился

– Жорик, в смысле Георгий, но лучше Жорик! – представился развеселившийся юноша.

– Жорик, а пошли на веранду! – предложила Линда

Все вместе они вышли на просторную веранду, украшенную грозными мраморными львами. Было светло и солнечно, по небу бежали веселые облака.

– А когда мы заниматься будем? – спросил Жорик

– А вот прямо сейчас и будем, – улыбнулась Линда и достала свои спички, чиркнула, и все вокруг заискрилось золотыми капельками, – Жорик, набери воздуха, но немного и заткни нос пальцами!

– А можно и мне? – спросил Веня.

– Можно! – разрешила Линда, – а теперь вместе скажем слово «бом-м-м», вы должны почувствовать колебания в области верхней губы и в крыльях носа

Жорик и Веня практически одновременно сказали «бом-м-м» и тут же взлетели. Золотые капельки вокруг них поредели, но не пропали. Лететь в золотистом дождичке было легко и приятно.

– А мы того, – спросил Жорик смущенно, – не нарушаем мировой гармонии?

Линда летела посередине и держала обоих за руку:

– Веня!

– Что? – отозвался Веня, гундося.

– Можешь отпустить свой нос и начинать ассистировать, нам задали вопрос!

– Ага, понял, – Веня отпустил свой нос и осмотрелся вокруг, – Жорик, мне кажется, мы ничего не нарушаем, все в порядке!

Почти сразу же они приземлились на макушке парашютной вышки, стоявшей посередине огромного парка развлечений. Золотистые капельки растаяли, над ними раскинулась ясная ночь, ярко сияли звезды, по небу гуляла круглая луна. Жорик посмотрел на своих спутников:

– А у вас ведь крылья есть, у тебя, Линда, золотые, а у Вени – синие. Вы точно не фониаторы! – в этот момент ни у Линды, не у Вени крыльев не было.

Жорик стал смотреть по сторонам. Хотя было уже темно, но само место почему-то казалось знакомым: карусели, трубы водного аттракциона и сама эта вышка – все это он когда-то видел.

– Мы не фониаторы, – призналась Линда, – но мы тебе поможем, правда, Вень?

Веня утвердительно кивнул.

– В смысле, как поможете? – засомневался Жорик, – я опять смогу петь?

– Ну, да, – уверила его Линда, – вот сейчас упражнение сделаем и будешь петь!

– А почему именно здесь нужно упражнение делать? – Жорик подозрительно огляделся.

– Жорик, ты вот лучше скажи, ты с парашютом прыгать любишь?

– Ну, да, люблю, – с парашютом Жорик не прыгал еще ни разу.

– Вот и хорошо! – Линда чиркнула спичкой и Жорик был уже прицеплен к парашюту и готов к прыжку, – сейчас ты полетишь, а пока летишь – делай упражнения: «ми-ма-мо», потом «ми-ми-ми», а потом «би-ба-бо». Запомнил?

Жорик утвердительно хмыкнул, ощупывая парашютные ремни.

– А если не запомнил, просто делай «ма-ма-ма», или просто ааааааааа! – добавил свой инструктаж Веня.

Не успел Жорик сказать «ага», как уже очутился в свободном полете, за ним полетело его громкое «аааааа».

Линда оперлась на перила вышки и закурила.

– А почему, собственно, мы с Жориком делаем упражнения для голоса? В этом деле достаточно профессионалов, при чем тут мы? – спросил Веня.

Линда перегнулась через перила вышки:

– Хей, Жорик, «ми-ма-мо», не забывай! – но снизу слышалось вполне отчетливо только «аааааааа», – Понимаешь Веня, Жорик наш, по идее, должен был генералом стать, или, по крайней мере, полковником, в худшем варианте – майором, судьба у него такая, но лет семь назад кто-то из наших задел его крылом, случайно. Такое бывает. Редко, но бывает, вот он теперь и поет.

– Ну и что теперь делать? – недоумевал Веня

Линда опять перегнулась через перила:

– Что делать? – Линда посмотрела на часы, – давай, вот, стоняй вниз за Жориком.

Веня отправился было к лестнице, но Линда остановила его:

– Ты сейчас мне assistiруешь, так что можешь и слетать вниз, а то у нас в мастерской скоро обеденный перерыв закончится.

Веня открыл свои голубоватые крылья и улетел за Жориком, через минуту оба стояли перед Линдой.

– Ну что, Жорик, давай до мажор гамму, – предложила Линда

Жорик дошел только до ноты «фа» и его голос сорвался, он кинул злобный взгляд в сторону Линды и сел прямо на железный пол. Линда наклонилась к нему и стала успокаивать:

– Жорик, давай еще раз, только нужно лететь и упражнение делать, лететь и делать, понял?

– Вам хорошо говорить, у вас крылья есть, вам все легко...

– Ну, не скажи, – стала спорить Линда, – крылья даются тому, кого тянет вниз его жизнь и дела. Нам нужно все время работать над собой, чтобы продолжать полет. Так что, давай, Жорик, лети!

– Не буду я с парашютом прыгать, глупо все это, – Жорик смотрел в пол, – если даже вы не можете мне помочь, мне уже никто не поможет. Теперь всю жизнь на меня будут показывать пальцем и говорить: когда он был восьмилетним мальчиком, он хорошо пееееел, – последнее слово Жорик перекорректировал, – теперь на всю жизнь я останусь этим мальчиком, который хорошо пееееелл, когда был мааалленьким!

– Нда, – вздохнула Линда, – неофрейдизм какой-то.

– А что такое неофрейдизм? – неожиданно спросил Жорик.

– Веня? – Линда вопросительно посмотрела на своего ассистента.

– Я тут, – Веня действительно отвлекся, рассматривая парк.

– Нам задали вопрос....

Веня принял серьезный вид:

– Понимаешь, Жорик, неофрейдизм-это тот же фрейдизм, только без Фрейда.

Жорик стал неопределенно вращать глазами:

– Круто...

– Но вообще-то, Жорик, я с тобой согласен, – продолжил Веня, – с крыльями действительно легче!

Линда подозрительно посмотрела на Веню, неужели он сейчас опять что-то выкинет? Она не ошиблась.

– Жорик, а ну посмотри-ка сюда, – Веня указал на карусель прямо под ними.

– Детская карусель и что?

– А вот что, – Веня открыл крылья и от них отделилась мягкая голубая волна, она медленно приблизилась к карусели и окутала ее. Карусель дрогнула и стала вращаться все быстрее и быстрее – Давай, Жорик, выбирай коня, пока не поздно!

У Жорика загорелись глаза:

– Вот этот вот, белый, с золотой гривой!

– Отлично! – Веня улыбнулся, карусель бешено завращалась, сама превратившись в голубое облако, из которого вдруг выскользнул белоснежный крылатый конь с длинной золотой гривой. Вырвавшись на свободу, конь издал протяжный трубный возглас и устремился вверх.

Линда поняла, что протестовать уже поздно, ее глаза, как и глаза Жорика, загорелись восторгом и восхищением. Конь подлетел к платформе парашютной вышки и издал еще один трубный глас.

– Это Пегас? – спросил замороженный Жорик.

– Можно сказать и Пегас, – Веня протянул руку, и конь подлетел совсем близко к ним.

– А кого он зовет?

– Он тебя, зовет, Жорик, это твой конь и у него твой голос, давай, лети! – Веня подхватил Жорика и забросил его на спину Пегаса.

Жорик совершенно не испугался, обнял коня, прижался к нему, раздался еще один мощный возглас, и они улетели в сторону водных аттракционов.

– Упражнения не забудь, «ми-мо-ма»! – крикнула Линда им вдогонку – ну, Веня, ты даешь...

– А почему это, Линда, мы делаем эти упражнения здесь, а не на веранде, где дедушка? – задавая вопрос, Веня как-то хитро улыбнулся.

Линда несколько замялась:

– Почему, почему.. я мест не выбираю, ты же знаешь.

– Линда, ты что-то недоговариваешь, поэтому с парашютным фониаторством и получился конфуз.

Линда отвернулась от него и замолчала

– А что это там? – Веня указал на небольшое кирпичное здание у ворот парка, где размещалась администрация и охрана.

– Где? – Линда даже и не посмотрела в нужную сторону.

– В кабинете главного, на его столе.... там было вырезано: Линда + Вадик, а потом это стерли, лет семь назад...

Дальше отпираться было невозможно, и Линда облегченно вздохнула:

– Вень, я не собиралась тебя обманывать, я просто... это мое, личное, тебя это не касается!

– Теперь касается. Я так понимаю, что пока у Жорика голос не появится, мы на этой вышке так и будем торчать, правильно я думаю?

Линда утвердительно кивнула и решила «все рассказать»:

– Значит так, когда мы с Ланой в этот мир попали, она на третий день, представившись девушкой из Барнаула, выиграла чемпионат Москвы по плаванию, ее тут же везде взяли. Она сняла квартиру и зажила себе в свое удовольствие и до сих пор в ус не дует. А я ничего такого не умела, хотя у меня безукоризненный вкус, я могу шить одежду, рисовать, могу быть отличным стилистом. Но в этих профессиях наскоком ничего не добьешься, ну, в общем у меня, как и у тебя, ничего не получалось...

– Это у меня ничего не получается? – обиделся Веня

– Вень, не обижайся, это я к слову... Сначала меня взяли моделью в одно захудалое такое, плохенькое агентство, работы было мало, денег еще меньше. Вот тут и появился Вадик. Человек он состоятельный, куча связей..., в общем, он стал мне помогать.

– Так значит, это его парк?

– Ну типа того...

– Так значит, это он на столешнице нацарапал Линда + Вадик?

– Я думаю он, правда глупо?

– Сейчас разберемся, глупо это, или нет... Что-дальше-то было?

– Что дальше, что дальше... что дальше мужчины делают?

– Я не сторонник огульных обобщений, ты мне скажи, что он сделал.

– Что Вадик сделал? – Линда захлопала глазами

– Конечно, Вадик, не стол же!

Линда как-то странно развела руки:

– Вадик сделал мне предложение...

– Вадик сделал предложение, и...?

– И нацарапал «Линда + Вадик» на своем столе, но я об этом не знала, честное слово, не знала, вот только сейчас узнала от тебя. От тебя, Веня и узнала.

– Это все понятно, а с предложением-то что?

– С предложением? – Линда опять захлопала глазами.

– Да, с предложением, приняла ты его, Вадикино предложение или нет?

Линда опять стала разводить руками:

– Веня, я сначала много думала, ходила везде и думала...

– И каким, в итоге, был плод твоих раздумий, Линда?

– Плодом моих раздумий был... Я приняла Вадикино предложение.

– Что???? – Веня всплеснул руками, – ты приняла Вадикино предложение???

– Да, Веня, да! – Линда почему-то разозлилась, – я приняла Вадикино предложение и согласилась выйти за него замуж, после долгих раздумий и прогулок.

– Хорошо, дальше что было?

– А дальше, Веня, ты и сам видел, что было. Вадик стер «Линда + Вадик» со своего стола, вот что было!

– Так, так, тут, пожалуйста, поподробней!

– Что, поподробней? Ну, свадьба была, цветы... все такое... потом я его сюда привела...

– В смысле, на эту вышку?

– Ну да, на вышку, решила ему подарок сделать, свадебный...

– Так, так...

– Знаешь, Веня, он все время, пока ухаживал, называл меня «необыкновенной девушкой». Ты, говорит, такая необыкновенная девушка, такая необычная... И я решила, что раз необыкновенные девушки ему и нравятся то нужно... ну в общем я показала ему... крылья...

– Тут, на вышке?

– Именно тут, был вечер, никого нет, вот я и решила...

– А дальше?

– Он сначала обрадовался, а потом сказал, что ему срочно нужно идти...

– Дальше я знаю! – неожиданно заявил Веня.

– Ничего ты не знаешь, не знаешь! – Линда бросилась к перилам и зарыдала, – он сел в свою черную бэжу и уехал, уеехал, и больше я его не видела! Ему не нравятся необыкновенные девушки, ему нужна была обыкновенная провинциальная моделька, молодая и глупаяааа!!!!

– Нет, Линда, дальше было не так. Дальше был охранник Федодкин, которого подкупил хороший папа, чтобы его сыночек покатался на всех аттракционах, пока в парке никого нет. А ты полетела за черной бэхой и задела этого сыночка крылом.

– Так это я Жорика? – Линда перестала рыдать, – а где Жорик, Жорик где?

Жорика нигде не было.

– Где Жорик? – передразнил ее Веня, – Значит так, Линда, мы тут с тобой не случайно. Если ты хочешь, чтобы все это как-то закончилось, вести буду я, а ты ассистировать. Понятно?

– Понятно, – всхлипнула Линда, – но Жорика все равно нужно найти... Где он? Может мне за ним слетать?

Веня подошел к краю платформы и осмотрелся по сторонам:

– Жорика нам не догнать, но приманить его можно! – он осторожно погладил железную сетку перил, и она чуть слышно отозвалась вступлением к Эпиталаме из оперы Антона Рубенштейна «Нерон», именно этот кусочек играл Жорик в своей гостиной с фонтаном. Где-то вдали мелькнул белый всполох, и вот уже рядом с платформой резвился белоснежный Пегас. Жорик восседал на крылатом коне, разодетый в серебристую тунику с сенаторской пурпурной каймой, а его голову украшал лавровый венец.

– Жорик, Жорик, ты просто молодец и выглядишь улетно! – Линда захлопала в ладоши, – я так рада, что у тебя все получилось! Давай, слезай с коня, пора домой, к дедушке!

Жорик вызывающе и звонко захохотал в ответ:

– Теперь мой дом – это мой голос, ничего другого мне не надо, я остаюсь!

– Нет, Жорик, ты не остаешься, – вздохнула Линда, вынула свои спички, – слезай, говорю! Жорик слезать не собирался и смотрел на нее довольно злобно.

– Ах ты так? – Линда мастерски чиркнула спичкой, но она соскользнула и получилась осечка. Чиркнула еще раз – опять осечка. Она аж вытаращила глаза от удивления, такого с ней не разу не случалось.

Жорик возобновил свой громогласный, театральный хохот и направил коня прямо к платформе, Пегас ударил копытом о железо, выбив целый сноп белоснежных искр, Веня и Линда испуганно отскочили в сторону.

– Вы думаете, что можно вот так вот просто остановить артиста в поисках мировой гармонии? – Пегас еще раз окатил платформу великолепием искр, – Смешные вы, наивные, ##### (мне вас жаль)! – Жорик посмотрел на них с нескрываемым презрением и направил коня прочь.

– Жорик, Жорик, погоди, – взмолилась Линда, – может быть, ты все же будешь генералом, или диктатором... – Линда включила блондинку и захлопала глазами, – ты вполне диктатором можешь стать, ну, пожалустаааа!

– Генерал, диктатор? – Жорик был несколько удивлен, – Линда, да над ними все смеются, кому это теперь интересно? Прощайте!

– А если мы тебе предложим мировую гармонию, вот прямо здесь и сейчас? – неожиданно предложил Веня.

Жорик попридержал коня.

– На базе Эпиталамы из «Нерона».

– За коня? – поинтересовался Жорик

– За коня! – подтвердил Веня, хотя Линда дергала его за штанину.

Жорик спешил и вошел на платформу, блистая туникой:

– Но эта должна быть мировая гармония, по-моему, – Жорик жестко, по-мужски посмотрел Вене в глаза.

– Лады! – так же жестко ответил Веня. Линда за его спиной плавно сползала вниз, закрыв лицо руками.

Веня и Жорик ударили по рукам и отошли в сторону для совещания.

– Значит так, Веня, на вступлении луна наполовину закрыта облаком, потом лунная дорожка упирается в одинокую крылатую арфистку, парящую вон там, над тиром!

Веня вынул блокнот и записывал:

– Высоко парящая?

Жорик почесал подбородок:

– Я бы не сказал, что очень высоко, но довольно высоко...

Линда подошла к ним:

– А арфисткой я буду?

Жорик осмотрел Линду критически:

– Да, пожалуй, но только тебе надо образ поменять, а то ты выглядишь как отставная модель из Балашихи!

– Что??? – вспыхнула Линда, – да на мне чиносы от Abercrombie and Fitch, прямо из Америки! Да на мне...

– Послушай, Линда, – перебил ее Жорик, – я к тебе очень хорошо отношусь... Фониаторство там, прыжки с парашютом... все это очень мило, но не подходит нам по формату!

– А что подходит? – вставил Веня

Жорик задумался:

– А подходит свободная белая туника, золотой ободок, рыжеватые волосы ниже плеч, скромная небесная улыбка... Понимаешь, Веня, ее вид должен вызывать сочувствие.

– Тогда уж и диадема из белого золота! – Линда очень хотела быть «одинокой, парящей арфисткой».

– Пожалуй, – согласился Жорик, даже не взглянув на Линду, – хотя, с каких это пор диадемы из белого золота внушали сочувствие?.. Далее, оркестр, – продолжил Жорик, – тут должен быть большой симфонический оркестр, все с крыльями. Вылетают воон оттуда, из-за американских горок. Только, пожалуйста, без лысых и бровастых виолончелистов. Все

должны быть молодыми, красивыми, в белых, с золотом туниках, но без диадем, – Жорик строго посмотрел на Линду.

– Жорик, Рубинштейн написал оперу для ооооперного оркестра, потому что она была написана по заказу директора Парижской Оооооперы, Эмиля Перрина, а не для большого симфонического! – стала спорить все еще обиженная Линда.

Жорик на нее даже и не посмотрел:

– Значит так, Веня, записывай: два больших симфонических оркестра. Два! Один, с золотыми крыльями, вылетает из-за американских горок, другой, с голубыми крыльями и в серебристых туниках, вылетает со стороны водных аттракционов, иначе я забираю коня и ухожу из проекта!

– Два больших симфонических оркестра без лысых виолончелистов, я записал! – отпартовал Веня, – может быть, фонтаны с подсветкой по краям?

– Веня, Веня, и ты туда же! – Жорик даже схватился за голову, – Причем тут фонтаны, почему я должен выслушивать от тебя эти банальности? Мы тут что, четырехзвездочный отель по турецкому образцу строим?

– Я просто хотел габариты обозначить, – стал оправдываться Веня.

– До этого я просто не дошел, Веня, ты бежишь впереди паровоза! – Жорику понравилась идея обозначить габариты, – по краям у нас будет дым, ну как бы это все происходит в кратере античного вулкана...

– Извержение в третьем куплете? – стал уточнять Веня.

– Начнется во-втором, со слов «прославлен Нерон».

– А как насчет дирижера? – Линда решила тоже участвовать в обсуждении, – можно самого маэстро Рубенштейна пригласить, у него такая интенсивная внешность!

Жорик опять схватился за голову и стал бегать по платформе:

– Какой Рубенштейн, зачем Рубенштейн, причем тут Рубенштейн? Просто все внимание на меня, вот и все. Это хоть понятно?

– Жорик, я Рубенштейна вычеркнул, ты не волнуйся, – попытался успокоить Жорика Веня, – ну что, резюмируем?

Все собрались вокруг Вениного блокнота:

– Значит так: одинокая арфистка в диадеме, парящая в лунном свете, два больших симфонических оркестра без дирижера, все происходит в кратере извергающегося вулкана. А посередине Жорик на белом коне – все внимание на него, – Веня захлопнул блокнот.

– Ну, как-то так, – успокоился Жорик, – вроде ничего лишнего. Там еще будут небольшие изменения по тексту: в оригинале – «Слава и Хвала Кризе и Нерону». Кто такая Криза не понятно, в хоровом варианте слышится «Слава и Хвала Crazy Нерону» – это не подходит.

– Может: «Слава и Хвала нашему Нерону?» – предложил Веня, мельком глянув на лавровый венок на Жориной голове.

– Пожалуй, – согласился Жорик, – для хорового варианта даже и хорошо.

– Тогда по коням? – предложил Веня.

– По коням! – Жорик ловко запрыгнул на Пегаса и взлетел, луна тут же закрылась облаком, пошел занавес.

Веня взмахнул крыльями, его фигура раздвоилась, и он полетел изображать два симфонические оркестра в кратере извергающегося вулкана. Линда, рыжеволосая и внушающая сочувствие, была уже на месте, она парила над тиром в белой тунике, обнимая гигантскую арфу из которой полилось плавное вступление.

Из темноты ночи появился всадник на крылатом коне, за которым медленно плыл рассвет. Он запел, и Голос его был прекрасен:

Пою тебе, бог Гименей,
Ты, кто соединяешь невесту с женихом,

Его Голос был столь силен, что заполнил собою все пространство. Свет усилился, и в воздушном амфитеатре появился целый сонм крылатых музыкантов, готовых поддерживать Голос:

Ты любовь благословляешь,
Ты любовь благословляешь,

Оркестр вступил, зазвенел, контуры парка развлечений, оставшегося где-то внизу, стали как-то странно набухать и менять форму.

Пою тебе, бог новобрачных,
Бог Гименей, бог Гименей!

Параютная вышка медленно накренилась и стала почти бесшумно разваливаться в воздухе на куски, из-под нее вырвался первый столб белого дыма. Голосу это не помешало, он все так же полностью покрывал собой все и вся:

Прославлен Нерон, невеста непорочна,
Как невинны очи и как светло чело!
Счастье, счастье, блаженство новобрачным!
Пою тебе, бог Гименей,
Бог Гименей, бог Гименей!

Оркестр неистовствовал, а где-то там, внизу, медленно, в тон музыки, продолжали лопаться крыши, падать здания и крошится трубы водных аттракционов. Вместо всего этого, по всему пространству парка вырывались белые стройные столбы дыма. Зрелище было бесшумным, но внушительным.

Когда вступил хор, всадник сорвался со своей высоты и помчался вдоль рядов музыкантов, из его высоко поднятой правой руки летели белоснежные искры:

Эрос, бог любви, пусть их освящает,
Венера предлагает чертоги свои
Слава и хвала нашему Нерону!
Слава и хвала нашему Нерону!

Всадник облетел весь оркестр и взмыл к центральной точке действия. Все замерло и опустело в ожидании финального акта, и вот он наступил. Конь взмахнул своими крылами, и Голос растворил все вокруг ослепительно белым светом:

Пою тебе и призываю,
Бог Гименей, бог Гименей!

Шквал аплодисментов застал Жорика в гостинной с фонтаном. Он сидел верхом на спинке белого дивана с золотыми ножками. Его руки были молитвенно подняты вверх, а глаза плотно зажмурены. Совершенство момента было абсолютным.

В соседней зале сидел дедушка Жорика и смотрел футбол по телевизору, шла пятнадцатая минута второго периода, что-то там случилось на поле, на которое высыпала куча народа, игроки окружили судью и махали руками. Кого-то бодро несли на носилках, трибуны гудели.

– Жорик, Жорик, – кричал дедушка, – я тебе третий раз говорю – выключи радио, Аршавину дали желтую карточку, его удаляют с поля! Они объясняют, а я не слышу, что они говорят! Ну выключи уже радио, я тебя умоляю и прошу.

Глава 9

Лана и Димон

У Ланы сегодня тоже было служение, в Выхино, довольно далеко от метро. – Окей, – вздохнула она, заводя машину и придумывая как попасть на МКАД. Ей повезло – добралась она быстро, минут за сорок, успев купить в супермаркете кое-что для вечернего перекуса. Ага, вот и она – утыканная гнездами балконов блочная высотка. Выйдя из машины, Лана осмотрелась: десятый этаж, вторая от угла форточка, понятненько, ладно... Лана снова забралась в салон и достала из сумки пудреницу.

На десятом этаже, во второй квартире от угла, была всего одна комната. В ней медленно ветшала гроза 70-х, югославская полированная стенка, у стены насупился диван, а рядом с ним жизнерадостно поблескивал почти новенький пластиковый манеж. В манеже спал, деловито причмокивая, Димон. Димону только что исполнилось одиннадцать месяцев, он уже уверенно сидел и мог самостоятельно встать в манеже, чтобы как следует потрясти его стенки, но сейчас все тревоги и радости дня на время сна были забыты. За комнатой находился коридор, а за ним – тесная, узкая кухня. За кухонным столом восседала хозяйка квартиры, плотная, широкоплечая Нин Иваннна, усиленно угощавшая своего друга, Мастера Фен Шуй, Валеру, хлипкого мужичка лет пятидесяти. Гостю предлагался алкоголь из пластиковой бутылки, селедка иваси и салат мимоза, изготовленный собственноручно самой Нин Иванной. Валера выглядел вполне респектабельно в майке-тельняшке, сильно порозовевшей после последней стирки и неожиданно дорогих слаксах. Он был настолько увлечен беседой, что даже не обращал внимания на специфический амбре иваси, легко перекрывший запах самой выпивки.

– Итак, согревание денежной звезды, – Валера интеллигентно икнул в кулачок, – или, – поднял он палец вверх, – звезды сокровищ!

– Ну, и где ж она спрятана, звезда – то эта? – Судя по всему, урок Фен Шуй продолжался уже больше часа, но совершенно не наскучил Нин Иваннне.

– Широко распространенное заблуждение, – отмахнулся рукой от ереси Валера, – эта звезда не в небе и не на земле, она – везде! – Валера убедился в восторженной реакции ученицы и продолжил:

– Итак, смысл денежной звезды...

– Звезды сокровищ, – врубилась Нин Иваннна

– Именно... Смысл в дате и точке ее активизации! Тут мы используем свечку, лампаду, эээ...

– Фонарик?

– Ни в коем случае, – ужаснулся Валера, – это непростительная ошибка! Прикинь, нам нужно активизировать потенциал квартиры и ее финансовые потоки, какой тут, мать твою, фонарик?! Фонарик – это бред, глупость несусветная... Хотя, – он вновь вскинул палец вверх, – если у нас свечка, или лампада на подставке, которая укрыта бумагой на манер китайского фонарика, тогда... Но тут нужен дополнительный специалист, – Валера цыкнул зубом.

– Круто! – восхитилась Нин Иваннна и плеснула еще жидкости из пластиковой тары в протянутый стакан Мастера, – Ну, и где ж ее, звезду-то эту нужно активизировать?

Валера выпил, хрякнул, закусил:

– Место и время активизации финансовых потоков определяется по специальному коду, в зависимости от гороскопа и активирующего и активируемого, плюс, – Валерин палец опять ткнул в область потолка, – расположения квартиры относительно полярных звезд.

– Ну, а код-то этот где? – вопрошала Нин Иваннна.

– А код, Нин, – Валера откинулся назад и принял задумчивый вид, – код, он на моем вебсайте, милая моя! Вводишь дату рождения, вес, рост, цвет глаз и данные кредитки, платишь 529 рублей, и вот он, код. Причем, как бонус получаешь точный сектор квартиры, где нужно установить Фонтан Изобилия. Более того, прям с вебсайта можно распечатать картинку «Три Денежных Дракона – фэн шуй в бамбуковой роще».

– Значит так, Валер, у меня своей карточки нет, у моей Лельки есть. Я шас быстро, одна нога тут, другая там, а ты за Димоном посмотришь. Нормально?

– Чужая карточка. – Мастер как-то неопределенно скривился.

– Да ладно тебе, – Нин Иваннна уже надела растоптанные кроссовки, – я ж быстро, она тут у нас на районе живет, а ты пока пивка вот попей!

Нин Иваннна достала из холодильника увесистую банку пива и проводила Мастера в комнату.

К этому моменту Димон проснулся, но не плакал. Наоборот, сам нашел свою бутылку с молоком и теперь стоял, держась рукой за манеж, громко чмокая и наблюдая за происходящим.

– Как ты, Димон? – Нин Иваннна уже рылась в ящике в поисках ключей от Лелиной квартиры, – ты давай, пообщайся с дядей Валерой, а я шас быстро...

Димон не ответил, продолжая сосать из бутылки.

– Валер, ты тут посиди, вот, на диване, почитай Димону книжку, он любит, – Нин Иваннна уже выходила из квартиры.

Валера сел на диван, открыл пиво, задумался, и видимо, решив, что Димон созрел для глубин народной мудрости, изрек:

– Водка без пива – деньги на ветер!

Димон на секунду перестал сосать из бутылки, но изо рта ее не вынул.

Из всего этого Валера сделал заключение, что контакт с Димоном налажен. Мастер отхлебнул из банки, встал с дивана, подошел к окну и, подмигнув Димону, открыл форточку для перекура. Снова с наслаждением плюхнулся на диван, держа в одной руке банку пива и зажженную сигарету, а в другой-рекомендованную Нин Ваннной книжку.

– Итак, молодой человек, – Валера посмотрел на Димона, потом на название – «Курочка Ряба», и начал немного в нос:

– Жили – были дед да баба. Была у них курочка Ряба, – понятно, что завязка не особенно заинтриговала обоих. Димон поднял свою бутылку выше, что б высосать все и смотрел куда-то в потолок, а Валера как-то приуныл, где-то внутри него, наконец, усвоилась селедка, и Мастера потянуло в сон. Тем не менее, он продолжил чтение, отхлебнув еще пивка:

– Снесла курочка яичко, не простое – золотое. Дед бил, бил – не разбил. Баба била, била – не разбила.

– Н-да, – подумал Мастер Фэн Шуй Валера, – какая дикость, зачем было бить золотое яичко, такие вещи созданы для созерцания! Вот в такой стране приходится жить! Он затынулся поглубже, отхлебнул еще пивка и, закрыв глаза, откинулся на спинку дивана. Со стороны казалось, что Валера впал в глубокую медитацию, но на самом деле он просто заснул...

Это была странная пудреница, золотистая и блестящая снаружи и вполне сошла бы за просто пудреницу от Gerlen, но если открыть ее, на внутренней стороне крышки, вместо зеркальца, отчетливо проступала картинка, чем-то напоминающая ту, что была на спичечной коробке у Линды: небольшая лужайка у домика, или хлева, где щиплет травку мирный ослик,

на заднем плане три бородача с посохами смотрят куда-то вверх, где крутится – вертится веселая золотая звездочка.

Димон высосал все без остатка, бутылка засвистела, и он отбросил ее в сторону. Делать было нечего, и Демон начал трясти стенку обиженно заскрипевшего манежа.

– Сейчас, молодой человек, подождите, дайте только носик попудрю, – сказала Лана, махнула изящной пуховкой последний раз и захлопнула пудреницу, —

Окей, полетели!

Димон перестал трясти манеж и устался на форточку, куда влетело что-то смешное, золотистое и уселось на подоконнике. Это было очень милое, нарядное существо, с крыльями и короной на голове, ростом с его книжку про Курочку Рябу.

– Ну делаааа, – подумал Димон и улыбнулся. Золотистое существо взмахнуло крылышками и тоже улыбнулось ему:

– Меня Ланой зовут, а тебя Димоном, да?

Димон еще раз улыбнулся в знак согласия.

Лана подлетела к нему совсем близко, чтобы поздороваться за руку, но остановилась на полпути и грациозно всплеснула руками, увидев, обмякшего на диване Мастера Фэн Шуй. Валера спал и призывно сопел носом. В руке он крепко зажал банку пива, а сигарета уже упала на потрепанную обивку, проделав в ней черную, дымящуюся дырку. Лана перелетела на диван и стала вытаскивать у спящего банку пива, но была слишком мала для такого дела, и это ужасно рассмешило Димона.

– Ну ты даешь, – как бы говорил он, заливаясь смехом во весь рот с двумя кроличьими зубками сверху.

– Ах, ты, смеяться надо мной вздумал? – Лана сделала вид, что рассердилась и даже показала ему «руки в боки», – я щас тебе покажу!

Димон стал смеяться еще сильнее, даже как бы загоготал

– На тебе, – Лана щелкнула двумя пальчиками, и к Димону полетела золотистая звездочка.

Димон прекратил смеяться и замороженно следил, как звездочка, виляя и искрясь, летит через все комнату прямо к нему.

– Во как! – подумал Димон, а звездочка тем временем, зависла у его лица. Он решил схватить ее, но не тут-то было, звездочка увернулась и села ему прямо на нос. Теперь смеялась Лана, правда, недолго: дыма из дивана прибавлялось, а банку из цепких Валериных пальцев все никак не удавалось вынуть. Звездочка тоже не ловилась, Димон смотрел на Лану, на банку, но это уже было не так весело, и он решил заплакать.

Лана поняла ситуацию:

– Не горюй, Димон, я щас другое покажу, – она щелкнула пальцами уже обеих рук, и из ее волос, платья, отовсюду, посыпались звездочки. Их было так много, они были такие красивые, что Димон раздумал плакать и замороженно смотрел на вереницы танцующих вокруг него золотинок. Между прочим, одна, он ее сразу приметил, выскочила из общего ритма и, покрутившись вокруг все еще спящего Валеры, запрыгнула ему прямо в ноздрю. Все опять стало смешным – трюк был великолепен. Димон увидел, как Мастер Фэн Шуй перестал вдруг сопеть, его брови грозно сгустились, рот приоткрылся, настала напряженная пауза, во время которой Лана подлетела к мастеру и с любопытством заглянула ему в нос. И вот главный момент наступил: Валера громогласно чихнул, да так, что Лана, переворачиваясь в воздухе, отлетела от него. Димон громко засмеялся. Банка с пивом выпала из руки мастера сама собой, и пенная лужица с шипом расплзлась по обивке. Валера проснулся и обалдело вращал глазами. Димон опять захохотал, а потом еще пуще, – когда Валера по – козлиному прыгнув с дивана, завопил:

– Что же это, мамочки родные, что??? – при этом Мастер пританцовывал и дымил штанами. В квартиру вбежала Нин Иваннна и стала делать примерно то же, что и Валера – прыгать и кричать.

Димон был в полном восторге от происходящего:

– Класс, Лана, браво, браво! – гоготал он и тряс, как только мог, свой манеж – вот это даааа, улееееетно!!!!

Так продолжалось какое-то время, но потом очухавшийся окончательно Валера побежал в ванну, а Нин Иваннна потушила остатки пожара своим телом. Диван все еще шипел и дымился под ней, но это был последний акт в шоу, некий дымовой «занавес» – его можно было и не смотреть. Димон, переполненный чувством восторга от встречи с совершенным, упал в свой манеж:

– Вот это да, вот это я понимаюююю!!!

Лана влетела к нему, в его уютный мирок, чтобы попрощаться:

– Вырастешь большим, позови меня, и я приду. Позовешь?

– Ты еще спрашиваешь...

Глава 10

Поход в Урбану

Тем временем Линда и Веня обедали, обедали плотно, заказав еду из ресторана, и даже выпили вина. После обеда курили в креслах и смотрели глянцевые журналы, жизнь была прекрасна. Вернулись Ксюша и Лиза, тоже в отличном настроении.

– Ну, что ты чувствуешь? Ты же должен чувствовать, где ключ этот дурацкий? – Линда решила развивать свой успех. Веня задумался на секунду:

– Знаешь, там дома, я был очень сильным, ну просто всемогущим, я правду тебе говорю! И сейчас я чувствую, что мне необходимо что-то в этом роде...

– Например?

– Мне кажется, я должен стать главным на районе и тогда я все найду!

– В смысле? Как главным, депутатом что ли?

– Я тут осмотрелся у вас... – замялся Веня, – мне кажется, что я должен стать, типа, бандитом, ну, смотрящим на районе, – Веня крутил в руках свежий русский глянец.

– Бандитом? Типа Робин Гудом? – такого поворота дел Линда не ожидала.

Веня мило улыбнулся:

– Ну, какие в России могут быть Робин Гуды...

– Может, как Ал Пачино?

– Нет, Ал Пачино слишком нервный. Ты фильм «Брат» смотрела?

Линда не смотрела фильм Брат, зато Ксюша смотрела и стала бодро его пересказывать

– Ксюш, а у нас какие-нибудь бандиты знакомые есть? – перебила ее Линда.

Ксюша задумчиво поскребла затылок:

– Помнишь Нинку, она у Зайцева два сезона работала, ну крашенная такая, турнули ее потом?

Линда Нинку не помнила и Ксюше пришлось подробно Нинку описать и даже с подробностями:

– В общем, она сначала депреснула, а потом, вроде отошла, с одним парнем закрутила, с Колей Гавриком. Типа, он реальный пацан и может жениться, он арт-директором в клубе Урбана работает, одевает Нинку классно, машину подарил, обещал даже часы Шопард, но это вряд ли...

– И? – не въезжала наивная Линда.

– Машина, впрочем, так себе, не новая...

– При чем тут машина, часы? – Линда потихоньку закипала.

– Короче, мы с Нинкой в сети иногда общаемся, так вот она говорит, что босс у Гаврика-настоящий бандит, крутой, и кликуха у него подходящая – Толян ПолБашки. Как нажрется водки – слушает Высоцкого и бьет себе бутылки об голову, бред какой, правда?

– Толян ПолБашки? – Веня, наконец, оторвался от глянца

– ПолБашки нам подходит! – загорелась Линда, – у них с Веней точно есть общее, поедем в клуб, дорогой?

Все стали смеяться.

– А, что, только надо Веню приодеть, – Линда даже вскочила так ей понравилась эта идея.

Девушки тоже развеселились, включили подходящий музон, стали бегать, искать пиджаки, кепки и прочее.

Веня послушно переодевался у зеркала и всех смешил, особенно Линду:

– Ну, Василек, скажи: ты чо, братан, рамсы попутал?
Веня неумело растопыривал пальцы и очень старался:
– Ты чо, братан, рамсы попутал?!

Хихикали чуть ли не час. Наконец нашли подходящий кожаный пиджак, серую кепку, рванные джинсы и футболку Adidas.

Линда тоже переделалась в джинсы, подростковый худи и яркие кроссовки.

– Ну, чо, Василек, погнали к бандитам?

Ехали в Урбану с ветерком, было солнечно, им вовсю улыбалось Бульварное кольцо. Линда врубила радио шансон, на перекрестках Веня вылезал из окна и пугал проезжающих мимо растопыренными пальцами:

– Ты чо, братан, рамсы попутал?

Линда смеялась, не переставая, пока не приехали в Урбану.

Было около полудня, на парковочной площадке стояли только пара джипов, у дверей торчал не выпавшийся охранник.

– У нас щас закрыто, – зевнул он, – вечером приходите.

– Да мне бы с главным перетереть, – солидно начал Веня.

Линда решила из машины не выходить и хихикала в кулачок.

Охранник что-то шепнул в рацию и у дверей появился арт-директор Колян, обещавший часы Шопард той самой Нинке.

Колян мельком глянул на Веню:

– Те чо, непонятно сказали? Вечером приходи!

– Да я к Толяну Полбашки пришел, я у вас новый смотрящий на районе, – Веня был очень дружелюбен и улыбчив.

– К кому пришел? – Колян вплотную наклонился в Вене и коротко ударил его здоровенным кулаком в живот.

У Вени пропало дыхание, он чуть не рухнул, но Колян вовремя сгреб его в охапку и втокнул в двери. В полутемном холле Колян пнул Веню несколько раз, но несильно, просто чтобы тот тихо сел в углу и не путался под ногами. На шум вышел сам Толян Полбашки, он был трезв, хорошо одет и очень серьезен.

– Вот тут у нас пассажир есть, Анатолий Андреевич, – скромно отрапортовал Колян, – пришел к нам, хочет быть смотрящим на районе.

Толян дал знак Коляну отойти и присел на корточки перед Веней, к которому постепенно возвращалось дыхание

Тем временем Колян вышел из клуба, приблизился несколько сбоку к машине Линды, которая все еще слушала шансон, кивая в такт головой. Колян резко открыл пассажирскую дверь, вырвал из зажигания ключи и сгреб модную Линдину сумку:

– Сиди тиха, шалава, побежишь – догоню. Ясно?

Толян Полбашки сидел на корточках напротив Вени:

– Зовут-то ты как, братан?

– Веня Василек, – неуверенно прохрипел Веня

– Понятно...

Вошел Колян с сумкой Линды:

– Баба тут с ним, Анатолий Андреевич, вот цацки ее.

Толян взял сумку, заглянул внутрь: права, деньги, пара карточек, и прочее женская дребедень. Впрочем, нечто его заинтересовало: это была довольно необычной формы коробка спичек со смешной картинкой на этикетке. Толян задумчиво крутил коробок....

Жена Толяна, Катя, невысокая симпатичная брюнетка в очках, была на кухне, резала салат и курила электронную сигарету. Рядом, в гостиной, ее пятилетняя дочка Света старательно пускала пузыри и одновременно качала ногой кровать-маятник, где спал ее годовалый брат Гриша.

– Мам, а в каком я классе буду, когда Гриша вырастет?

– Свет, а ты прибавь к шести пять!

Света прекратила качать кроватку, задумалась:

– Нет, не могу...

– Что так?

– У меня руки заняты, я пузыри пускаю!

– Понятно.

Неожиданно Катя порезалась, капелька крови вздувалась тугим шариком на ее пальце, Катя смутилась, но вместо того, чтобы заняться пальцем, бросилась в гостиную. Света только что выдула огромный пузырь, который даже еле взлетел. Внимательно осмотревшись, Катя не заметила вокруг, ничего особенного, вот только пузырь... На его радужной оболочке каким-то образом проступила картинка: небольшая лужайка у домика, или хлева, где щиплет травку мирный ослик; на заднем плане три бородача с посохами смотрят куда – то вверх, где крутится – вертится веселая золотая звездочка.

– Мам, мам, смотри какой пузырь! – Света всплеснула руками, и цветная баночка с мыльным раствором упала на пол.

Катя не ответила и не обратила внимания на грязный теперь пол. Она быстро, слегка прихрамывая, ушла в гараж. Включив в помещении свет, она стала рыться в одном из встроенных шкафов. Старые фотографии: Толян, Коля Гаврик, и она сама на открытии Урбаны; она и Толян на мотоциклах где-то в лесу; она, Толян и двухлетняя Света у дома, веранда еще не построена. Ага, вот она, старая сидишка в треснутом пластиковом футляре. Катя взяла ее в руки, внимательно осмотрела.

– Мам, мам, – кричала Света из гостиной, – пузырь не лопается, он на потолок залез и сидит там весь разрисованный!...

Толян вдруг воровато огляделся и положил спичечный коробок обратно в сумку. Веня, наконец, окончательно пришел в себя:

– Анатолий Андреевич, а почему вас все Толян Полбашки зовут?

Коля инстинктивно отошел на шаг, он был практически уверен, что мозги Вени вот-вот полетят во все стороны. На Коле была рубашка от Бриони. Не было смысла портить дорогую вещь только потому, что твой босс не переносит панибратства. Впрочем, Колян ошибся. Анатолий Андреевич даже умудрился улыбнуться, что, в общем, случилось с ним нечасто:

– Вень, ты анекдот знаешь про попа, который с колокольни упал, сам вдребезги, а калоши целы?

– Нет, не знаю, – Веня тоже попытался улыбнуться

– А вот я знаю!

Толян помог Вене встать и даже отряхнул его:

– Вень, а чо ты пришел, чо нужно-то?

– Да вот, Анатолий Андреевич, думал могу быть смотрящим на районе...

Толян не спешил отвечать и протянул Линдину сумку Коле:

– Слы, Коль, отдай ей все, не пугай даму.

Коля взял сумку и вышел.

Толян вплотную приблизился к Вене и почти прошептал:

– Братан, а убивать людей можешь?

Веня явно смутился, впервые за сегодняшний день:

– Нет, не могу...

Толян отодвинулся и даже похлопал Веню по плечу:

– Когда сможешь – приходи.

Вошел Коля, спровадивший незваных гостей:

– Босс, парень этот на прибалтийского вроде не похож, но я на него маячок повесил, ну, так, на всякий случай.

Толян Полбашки одобритительно кивнул.

Глава 11

Панорама

Веня, с бумажным пакетом в руках, поднимался по лестнице уже знакомого ему дома. Лифта не было, и прежде чем позвонить в нужную квартиру, Веня слегка перевел дух. Дверь открыла Софья Андреевна.

– Здравствуйте! Извините, что без звонка, я тут неподалеку был... Хотел, вот, обувь вам вернуть, – Веня протянул аккуратно упакованные тапочки.

Софья Андреевна приняла пакет через порог и мило улыбнулась:

– Очень любезно с вашей стороны, спасибо.

Веня в тон Софье Андреевне поинтересовался:

– Христофор Афанасьевич?

Софья Андреевна улыбнулась уже виновато, хотела закрыть дверь:

– Занят, очень много работы!

Веня не уходил, кашлянул громко:

– Понимаю, понимаю, извините...

Софья Андреевна не успела ответить, как голос Христофора Афанасьевича отчетливо донесся из квартиры:

– Софья Андреевна, кто у нас?

– Да Веня это, обувь принес!

Дверь широко распахнулась, и Христофор Афанасьевич с радушной улыбкой возник на пороге:

– Что ж мы в дверях-то? Проходи, Веня, проходи же, я тебе, кстати, кое-что показать хочу!

Христофор Афанасьевич повел Веню через гостиную дальше, чем явно удивил Софью Андреевну. Пройдя ужасно длинный, темный коридор Веня и Христофор Афанасьевич оказались в огромном кабинете, но и там не остановились, а миновав арку, вошли в комнату, или даже зал, где помещалось нечто вроде панорамы, поставленной на старинный стол с резными ножками. Над панорамой витали тысячи и тысячи белых и голубых огоньков, одни из них перемещались, другие – просто зависли, некоторые двигались парами и группами.

Христофор Афанасьевич окинул любовным взглядом свое детище:

– Вот тут, Вениамин, все наше служение как на ладони!

Веня был восхищен и очарован, что незамедлительно отразилось на его лице. Он смотрел на движущиеся огоньки панорамы, даже не замечая, как в нём самом проявилось голубое свечение, которого не было больше двух дней...

Христофор Афанасьевич был явно рад Вениной реакции:

– Надеюсь, да что там, практически уверен, что в самом ближайшем времени, Вениамин, это будет и твоим служением... Как ты думаешь?

– Вот, именно об этом, Христофор Афанасьевич, я и хотел бы с вами поговорить! Я...

– Обязательно, непременно, но за чаем. Не возражаешь?

– Ну, что вы...

Христофор Афанасьевич и Веня вышли из панорамного зала и вернулись в гостиную, где и устроились напротив камина, в удобных старинных креслах. Софья Андреевна подала чай. На столике уже стояло блюдо, расписанное диковинными цветами, с баранками, сдобными рогаликами и печатными пряниками. Вся эта благодать издавала одуряющий запах корицы и ванили. Христофор Афанасьевич не торопил Веню с расспросами, и тот начал сам:

– Христофор Афанасьевич, я чувствую себя неловко, Линда чудесный специалист, учит меня, старается... Я тоже стараюсь, делаю как она говорит, но результаты... Я вам прямо скажу, другая начальница такого работничка как я, просто прогнала бы взашей!

Христофор Афанасьевич с напускной досадой покачал головой:

– Вениамин, ты на себя наговариваешь... Между прочим, это только мешает, уж поверь моему опыту... Подлить кипяточку?

– А, давайте! Чай у вас просто изумительный...

Христофор Афанасьевич указал на соседнюю дверь:

– Это Софья Андреевна, травознай, большой знаток, другой такой умелицы чай правильный приготовить – и на свете нет!

– И рецепт можно попросить?

Христофор Игнатьевич отрицательно покачал головой:

– Не думаю... Секретница, не простой человек...

После секундной паузы Веня продолжил:

– Я вот тут подумал, может мне, пока суд да дело, как-то по-другому в общей работе участвовать?

Христофор Афанасьевич задумался:

– Ты что-то конкретное имеешь в виду?

– Вы знаете, да!

– Я весь внимание, валяй!

– Христофор Афанасьевич, я тут занялся одним проектом в Танзании. Откровенно говоря, успехом это не назовешь, по сути там все зависло. Но в процессе я столкнулся с интернетом, современными технологиями и, знаете, с деньгами!

– Интересно, интересно, – настроение у Христофора Афанасьевича стало заметно портится, но Веня этого совершенно не заметил и продолжал:

– Я вот тоже так подумал! Смотрите, мы помогаем конкретным людям, в конкретных ситуациях, но для этого нужен *lumen*, а у меня, сами знаете, с этим проблемы... Так, может, мне взять шире? А что, если помогать всему обществу в целом, так сказать? А что, если заняться технологиями, образованием, социальными преобразованиями, наукой, в конце концов? На все это нужны средства, денежные средства, прежде всего... Нет проблем! Интернет даже в теперешнем своем состоянии способен не просто перераспределять ценности, а создавать новые! Я чувствую в себе силы, способности, уверенность! Я мог бы быть полезен тысячам, миллионам людей! *Lumen* – великий дар и прибывает в этом мире с самого начала, но он не изменяет человека, оставляя его примерно тем, что он есть. Люди достойны большего, много большего! За последние несколько веков многие из них стали лучше, светлее, благодаря именно своему творческому, изобретательному духу, а не *Lumen Aureus*. Мы ведь приходим в этот мир для них, ради них... Своего у нас тут практически ничего и нет... Почему бы нам не делать нашу работу по человеческим принципам?

Христофор Афанасьевич был явно удивлен и не сразу ответил:

– Ты знаешь, я не совсем уверен, что могу привнести в нашу дискуссию нечто конструктивное, дельное, по крайней мере, на интеллектуальном уровне. Конечно же, это не дает мне причины отместить твои аргументы. Тем не менее, я должен указать на кое-что важное. То, что ты назвал «нашей работой», работой назвать нельзя! Работа подразумевает плату, мы же платы не ищем и не ожидаем. В каждой работе есть смысл, который в нее вкладывает работник. Поэтому, работы могут приносить как благо, так и вред... То, что делаем мы, не всегда можно даже осмыслить. Таким образом, то, что ты назвал работой – есть Служение. И это – именно то единственное, что у нас есть, и это то, что нас объединяет между собой! Мы добровольно входим в него и делаем именно то, чего от нас ожидает тот, кто нам это служение устроил.

Веня почувствовал, что разговор ушел совершенно не туда:

– То есть, мы служим тому, кто нас послал, а не тем, к кому мы приходим?

Христофор Афанасьевич встал и подошел к окну, избегая смотреть на Веню:

– В вашем аргументе кроется ассумпция, что воля того, кто нас послал, и воли тех, к кому мы несем свет, находятся в разладе... Мне кажется, этот вопрос не может быть поставлен и разрешен на словесном уровне. Любой ответ будет просто игрой слов, возможно, утешительной для кого – то. Каждое существо, способное к волевым решениям, решает это все по-своему, включая вас!

Христофор Афанасьевич довольно резко повернулся к Вене, и тот с ужасом увидел в его очертаниях силуэт огнедышащего льва – Серафа. Это продолжалось лишь доли секунды, но Вене стало по-настоящему жутко. И когда Венин телефон неожиданно пискнул, Веня почти с облегчением сказал Христофору Афанасьевичу:

– Сэмска от Ланы, она встретиться хочет...

Христофор Афанасьевич отвернулся к окну:

– Не смею задерживать...

Веня вышел в переднюю, Софья Андреевна сунула ему в руку бумажный кулечек, шепнула быстро:

– Вениамин, я вам тут презент приготовила, чай с травками!

Веня механически взял кулечек, направился к двери:

– Премного благодарен...

Глава 12

Охотник

Лана работала. Когда Веня пришел к ней в бассейн, она проводила тренировку со своей любимой группой и посетителя даже не заметила:

– Выше руку, Лена, выше руку, ты отстаешь! Как мы договорились, раз, два, три! Выше руку, вот так, молодец!

Веня с любопытством смотрел на бассейн, воду, Лану со свистком, та, наконец, обратила на него внимание, показала пальцем на часы.

Веня тоже ответил знаком, что подождет и потом спросил одними губами: Можно посмотреть? Лана утвердительно кивнула. Тренировка продолжалась.

Через полчаса Веня и Лана уже шли по вестибюлю к выходу. Лана, будучи несколько напряженной, обращалась к Вене на «вы»:

– Вы пришли на час раньше!

Веня попытался обратить все в шутку:

– А у меня часов нет!

– Могли бы спросить время у кого-нибудь!

Выйдя из спорткомплекса, они оказались в парке, Лана шла чуть впереди Вени:

– Собственно, в мои обязанности входит показать вам охотника, может сразу и приступим? У меня еще одна тренировка вечером...

– Это опасно?

– Вы сами решите.

Лана и Веня прошли мимо взъерошенного, явно нервничающего молодого человека, сидящего на краешке скамейки и уставившегося в планшет, и свернули в узкую аллею, которая вела к пруду. Почти у самой воды, в беседке, сидела черноволосая тоненькая девушка, она пыталась читать книгу, но томик в бумажной обложке постоянно норовил соскользнуть с ее колен. Лана отметила про себя, что молодой человек и девушка пришли на свидание друг с другом, но пришли задолго до назначенного часа, оба нервничают и волнуются, хотя, – это Лана тоже четко видела, – связаны нерушимо и навсегда. Через двадцать минут они, не замечая друг друга, встанут и пойдут встречаться к метро. Лана улыбнулась:

– А что, неплохая пара, – подумала она и незаметно бросила золотую звездочку прямо на чистый девичий лоб. Глаза девушки засияли, страх перед первым свиданием улетучился, ей стало солнечно и спокойно. Мысленно приказав звездочке не покидать незнакомку до встречи с любимым, Лана быстро взглянула на Веню, но тот ничего не заметил. Подойдя к парковому пруду, Лана и Веня сели на одинокую скамейку прямо у воды. Перед ними открывалась широкая перспектива солнечного московского полдня. Лана неосознанно понизила голос, начав урок:

– Сейчас я вам его покажу, только не смотрите на него прямо и не указывайте на него!

Веня утвердительно кивнул.

– Вот там, на другом берегу, деревья, за ними улица, а дальше – небольшая площадь с фонтаном, видите?

Венин взгляд медленно пронизывал пространство: пруд, деревья, улица вдоль парка, площадь с фонтаном посередине. Вокруг фонтана-обычная картина: голуби, несколько бабushек на скамейках, мамы с колясками, дети на велосипедах, рыжая кошка, дремлющая на солнцепеке.

– Видите его?

Веня внимательно осмотрел площадь еще раз:

– Нет. А вы точно знаете, что он там?

Лана старалась не раздражаться:

– А клоуна видите?

Веня действительно разглядел рядом с фонтаном нечто вроде бронзового памятника: застывшая фигура грустного клоуна в полном клоунском наряде, перед ним – шляпа для подаваний.

– А откуда вы знаете, что это охотник?

– Я их вижу, а Лера может их вынюхивать, у них специфический затхлый запах! По крайней мере, Лера так мне объясняет.

– Ну, а как вы их вычисляете?

– Иногда они забывают одежду чистить!

Веня удивился:

– От чего чистить?

– От красных отблесков, *lumen rubeus*.

Веня совершенно запутался:

– Я ничего не понимаю!

Лана вздохнула:

– Это потому, что вы без своего ключа, как такое получилось – непонятно.

– И, все-таки, объясните, а?

– Вениамин, не поймите меня превратно, но я толком вам ничего объяснить не могу. Слова в нашем мире мало что объясняют. Я вам должна показать охотника, я вам показываю, а объяснять я не умею.

– Как странно, но мне это уже сегодня говорил Христофор Афанасьевич, ну этот, с панорамой...

– Ты видел ПАНОРАМУ???? – Лана была так ошарашена, что даже перешла на «ты».

– Да, видел, и могу все рассказать в подробностях, у меня даже записи есть. Более того, могу даже кое- что показать. Но сначала ты мне все должна объяснить с охотниками, *lumen rubeus* и прочими вашими непонятками!

Лана была озадачена, но не потеряла хорошего настроения:

– Хорошо, но когда ты свой ключ найдешь, то ты все равно это будешь по-своему понимать, а я окажусь обманщицей! Я могу рассказать только то, что я вижу, а мы с тобой совершенно разные.

– Хватит уже этой гносеологической мути, колись! – Веня тоже пребывал в приподнятом настроении.

– *Lumen rubeus*, мы их видим в красном свете, поэтому и *rubeus*. В каком облики *ты* их будешь видеть-трудно сказать. Они такие же как мы, в том смысле, что у них тоже есть крылья и человеческая оболочка, и ее можно, в принципе, разрушить. Они тоже помогают людям, но только другим людям.

– Это каким таким другим?

– Плохим людям, хотя это тоже неправильно. Все люди примерно одинаковые. Мне трудно это до тебя донести... ладно, рискну! Ну, вот вы с Линдой спасли ребенка из мусорного бака. Без вас его бы просто съели крысы, но ведь кто- то этого ребенка в этот бак положил. И того, кто это сделал, тоже кто- то надоумил, подсказал, подставил пакет, помог преодолеть чувства страха, стыда, обнадежил, уверил в безнаказанности. Тонкая работа! *lumen rubeus*, в общем- то умнее нас, хотя Линда в этом со мной не согласна.

Веня, наконец, стал хоть что-то понимать:

– А говорила, что не умеешь объяснять. Так значит, такие вещи, эти самые *lumen rubeus* и делают?

– Ну что-то в этом роде, но опять же...

Веня перебил:

– Ну, а что бы нам всем вместе не собраться и не сжечь этих рубиусов дотла?

– Вполне возможно, но это в состоянии сделать только *lumen clarus*, а его в этом мире практически нет.

– Значит, немножко все-таки есть?

– Есть, вот, ты как раз и есть *lumen clarus*. Вернее, был, когда ты к нам попал, сейчас у тебя вообще нет *lumen*. По – крайней мере, я его совершенно у тебя не вижу и не чувствую.

– А Христофор Афанасьевич, он-то, кто? Мне он просто тигром каким-то показался!

Лана заговорила еще тише:

– Христофор Афанасьевич тоже *lumen clarus*, поэтому он тебя и подхватил там, в котельной. Оказались бы мы там одни – ты бы нас сжег, как ты говоришь, дотла. Хотя когда-то, до прихода в этот мир мы тоже были *lumen clarus*, это свет изначальный.

Веня помолчал, потом опять взглянул на охотника, – тот стоял в той же позе с «бронзовым» шариком на бронзовой веревочке-палке.

– Слушай, Лан, а пиццу сюда можно заказать, как ты думаешь?

Лана улыбнулась:

– Вообще-то, мы с тобой про пиццу не договаривались, а только про «непонятки».

Наконец «охотник» поменял позу, на его лице застыла «новая» улыбка, шарик поднялся чуть выше... Никто, впрочем, этого не заметил, дети все так же играли, пуская бумажные кораблики в воду фонтана, какая-то старушка, разомлевшая от солнца, кряхтя встала и, попрощавшись с подружками, пошла через площадь к боковой улице.

К лавочке Вени и Ланы подъехал велосипедист в сине-белой куртке, с пиццей в коробке. Лана полезла в сумку за деньгами, Веня приоткрыл коробку:

– Мы же заказывали с томатами и грибами, а тут только с грибами...

Лана расплатилась и показала парню знаком, что ее кавалер немного чокнутый.

Минут через сорок, когда от пиццы оставался только один кусок, который оба стеснялись взять, Веня продолжил расспросы:

– Ну, а охотники эти, они люди, или тоже *lumen*?

– Конечно люди, но особенные. У них есть знания, которые они постоянно совершенствуют

Веня явно врубался в тему:

– И знания у них от этих рубиусов, оттого у них и отблески на одежде!

Лана засмеялась, хлопнув Веню по плечу:

– Вот, а Линда говорила, что ты вообще ничего не соображаешь!

Веня обиделся:

– Она такое говорила?

– Ладно, проехали...

Веня вернулся к теме урока:

– А что этим охотникам от вас нужно?

– Вот сейчас мы и проверим, права Линда, или нет. Сам-то как думаешь?

Такого поворота Веня не ожидал:

– Ума не приложу, в этом мире столько всего много! Столько можно взять, не отнимая у других! Возможностей вокруг – ну, просто немерено!

Лана опять хохотнула:

– Один – ноль, в пользу Линды! Охотникам нужен наш *lumen aureus*, что еще с нас возьмешь? У нас же ничего другого нет. И мы, и люди, видим наш *lumen* в золотистом свете. Мы в самом низу иерархии света и ближе всего к людям. Ближе, потому, что ничего сжечь

не можем, только зажечь. Люди научились использовать *lumen aureus*, он несет им долголетие, здоровье и новые способности.

– А за *lumen claris* они тоже охотятся?

– Два – ноль, в пользу Линды! Я ж тебе говорила, *lumen claris* – свет неземной, мало того, он может все на хрен сжечь! Кому такое нужно?

– А Рубиусов тоже можно использовать?

Лана опять заговорила тише:

– Я не в курсе. Какие-то ведуны верят, что есть существа, которые могут использовать *lumen tubeus* в своих целях. Но сама я с этим не сталкивалась, и откровенно – сталкиваться не хочу. С рубиусами мы напрямую не связаны, мы их не трогаем, они – нас. Им наш *lumen* не нужен, у них свой, красный. Если и есть какие-то отношения между нами, то только через людей.

– Ну, а охотники-то эти, они вас видят?

Лана не спеша с ответом, взяла последний кусок уже холодный пиццы, и почти механически стала его жевать, потом ответила четко и определенно:

– Нет, они нас не видят, только наши ошибки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.